

Вадим
Верник

Горлица

С СОДЕРЖИТ
НЕЦ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Вадим Верник

Горлица

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Верник В.

Горлица / В. Верник — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Она была бойкой белобрысой сопливой девчонкой, а он дружил с ней. Однажды она заставила его кое-что сделать. Взрослые звали его пластилиновый мальчик, а она – Серый Волк. Её дедушка говорил, что она «смерть мальчишкам», а он летел, как мотылёк, на её свет... Через годы, через расстояния общий «секретик» определил тайну их бытия... Всё искренне, откровенно и до предела обострено, но ты не смущайся, дорогой читатель, тебя ждёт погружение в нежную память о первой любви, из которого ты не вернёшься прежним...ISBN 978-9934-19-325-5Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предварение	6
Глава 1. У бабушки на каникулах. Эротическое	8
Глава 2. У бабушки на каникулах. Эпическое	10
Глава 3. Новый год	14
Глава 4. Запах антоновки	21
Глава 5. Атанор	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

*Посвящается моей маме, друзьям и всем тем, кто когда-либо сказал своей любви
– навсегда!*

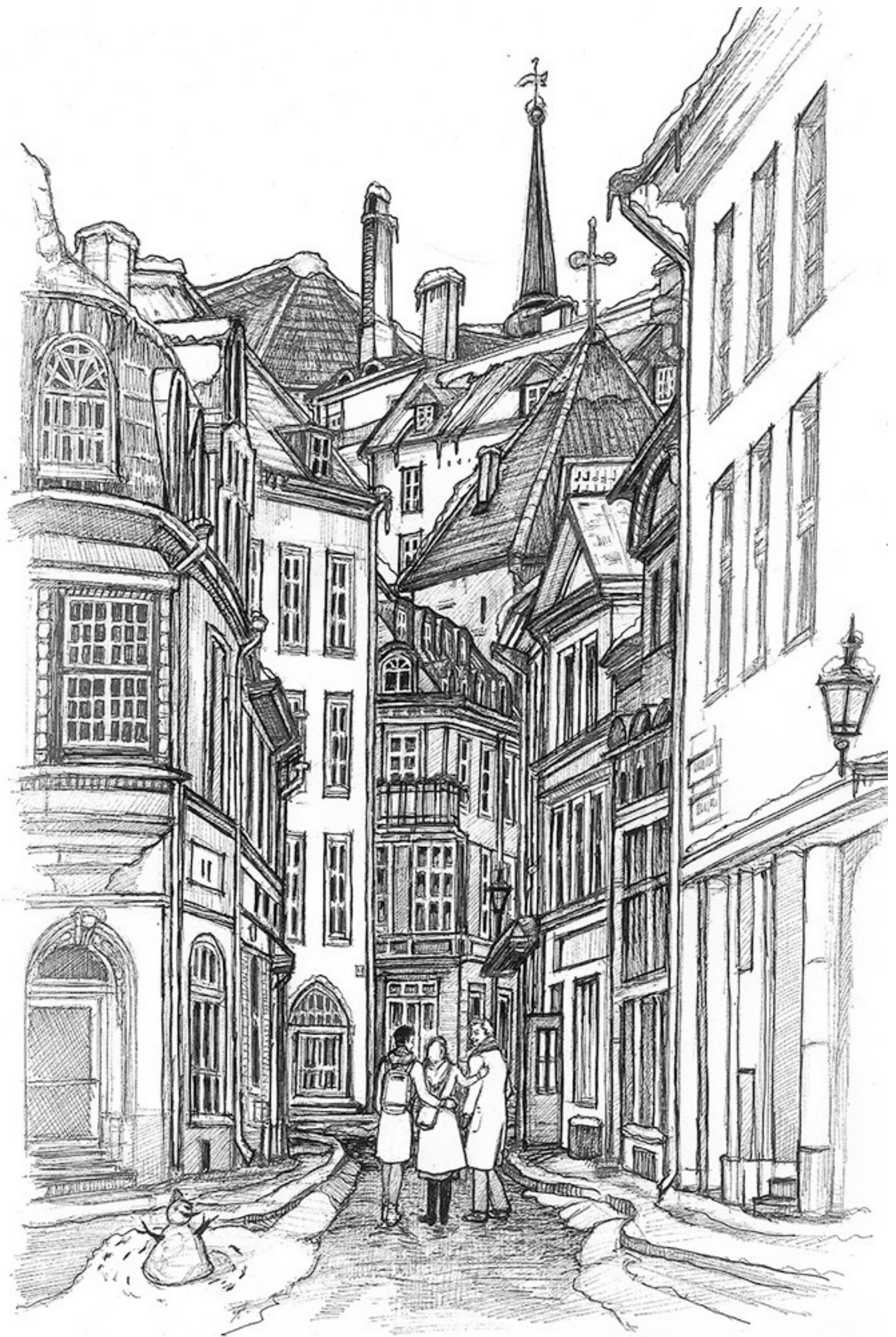
Предварение

Буквы складывались в слова, за словами стояли люди... Люди разные, каждый со своей уникальной судьбой и характером, пунктиром или точкой координат – пред незримым перстом провидения... Канва моего художественного повествования – те персонажи, с которыми жаждал встретиться на страницах книги и завести сокровенный разговор.

Бережно касаясь судеб, я прошёл с ними поприще, может быть, два... разделил свежесть чувств, радость встреч и печаль расставания, горечь слёз, смех, улыбки, страсть, любовь и мучительный спазм...

Я испытывал наслаждение и счастье – и благодарен за это героям! Теперь я готов поделиться всем этим с другими, ибо творческий замысел – производит детоксикацию жизненного пространства и утверждение любви – квинтэссенции бытия.

Вадим Верник

...если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе *до того?*..
От Иоанна 21:22

Глава 1. У бабушки на каникулах. Эротическое

Мы играли в письки. Вы когда-нибудь играли в письки? Нет? Тогда, скорее всего, вам незнакомо: ... шёлковое безумие в нервах моих шелестит.

Первый раз, когда я играл в письки, мне было пять с половиной, а ей – пять лет. У нас были спички, и мы хотели поджечь сортир на улице возле болота. В нашем посёлке были две улицы, одна называлась Пыдру, а другая – Кыдру. Сухой сортир, который мы подожгли, стоял в конце улицы Пыдру, практически у неё во дворе. Там же, недалеко, был и дом, где жили её бабушка с дедушкой. Она была бойкой белобрысой сопливой девчонкой, а я дружил с ней.

* * *

И вот однажды, заманив меня в пространство вони хлорки и дерьма, она вдруг захотела пописать. Села и пописала, а потом говорит мне, чтобы и я пописал, но я не хотел. Тогда она достала спички и стала их зажигать. У меня глаза загорелись, я тоже хотел зажигать. Но спички мог зажигать только тот, кто пописал. Я быстро принял условие. До пожара оставалось совсем немного. Когда я приспустил шорты и трусы и, стоя, стал тужиться, чтобы пописать, она с большим интересом и наслаждением смотрела то на меня, то на мою письку.

– А хочешь, я тебе свою письку покажу? – спросили огромные голубые глаза.

Я утвердительно кивнул головой. Она быстро вспрыгнула на сортирный амвон, задрала жёлтенькое платье в синий цветочек, стянула беленькие трусики, и я увидел великую пустоту, разделённую пополам.

Дальше мы чиркали и чиркали спичками, как опьянённые. У нас появился какой-то необычайный драйв и общая тайна бытия. Мы ещё не знали, что с этим делать, но очень хотелось хранить это бережно в себе, как секретик. В какой-то момент сортир вспыхнул и начал гореть. Примчались пожарные, чтобы загасить его угольки, а мы выскочили из него, грязные и чумазые, когда он уже горел. Совершенно не пострадав, оба были бесконечно счастливы и напуганы одновременно. Взрослые так и не заметили, чем на самом деле мы занимались там, видимо, думали, что просто со спичками играли.

* * *

Следующий раз в письки мы играли через два года, перед самой школой. Нас тогда первый раз и застукали. Я стоял без штанов и трусов и бросал в сторону болота разные палки, а она, голая, с растрёпанными волосами, мне их подавала. Большого наслаждения и представить невозможно! В жаркий солнечный полдень, после обеда, она взяла несколько покрывал с подушками и куклами и потащила меня домик строить у себя во дворе, на самом отшибе, возле болота. Там нас никто не видел. Мы построили домик, и в этот раз она мне сказала, что я должен раздеться и бросать палки.

– Это и есть та любовь между папой и мамой, между мальчиком и девочкой, про которую взрослые не хотят рассказывать детям, – она была предельно кратка и точна. – Я сама видела и слышала про эту любовь из разговоров взрослых. Всё просто: нужно бросить палку! – сбрасывая со своего хрупкого тельца платице, повторяла она.

Я увидел совершенно голую девочку и в нерешительности замер на месте. Она быстро стянула с меня коричневые колготки вместе с трусами и дала в руку палку.

– Моя мама ругается с папой, говорит, что он даже палку нормально не может бросить, – сердито наставляла меня моя красивая девочка.

В тот день я бросил много палок, так много, как никогда, пока нас не застукали её старшая сестра с подругой...

Вечером, когда вернулась моя бабушка, я отведал обильно «берёзовой каши». До самого праздничного построения на линейке в школе и до первого звонка помнила моя попа о мучениях, принятых за первую любовь.

* * *

Через год мы снова встретились на каникулах. Наши бабушки были большими подругами и вместе ездили отдыхать и загорать на пляж в Клоога-Ранд. Брала и нас с собой, но уже пристально следили и не позволяли долго играть вдвоём. В то лето я ни одной палки не бросил, так и проходил все каникулы неприкаянным босяком.

И на следующее лето мы встретились снова. Наблюдение за нами почему-то ослабело. Все говорили, что мы уже взрослые и глупости никакие делать больше не будем, нам можно доверять, – при этом пристально смотрели в глаза. Моя подруга за это время далеко ушла вперёд в познании искусства любви. А я только и узнал, что дети рождаются из попы, – мне об этом рассказал один старшеклассник, – потому что в письке дырочка маленькая. Он сам видел и показал мне дохлую кошку, из попы которой торчал мёртвый котёнок...

Этим летом мы больше играли каждый в своей компании: я с мальчишками, а она с девочками. Но однажды, когда остались вдвоём, моя девочка сказала мне, что мы делали всё не так и что палки бросаются по-другому...

На следующий день мы взялись за старое. Потихоньку удалившись на ближнее болото, в травяной шалаш, и раздевшись там догола, моя девочка напихала мне в письку целую кучу разных палочек, веточек и цветочков, да так, что я оказался с воспалением в отделении интенсивной терапии. Я только и успел ей одну палочку-веточку бросить, а дальше поднялась температура, всё поплыло перед глазами, и меня на руках вынесли с болота и повезли прямо в больницу. Сильно кружилась голова, тошнило, мне было очень плохо. По дороге бабушка роптала и грозила, что мне письку отрежут. Всё обошлось.

В следующий раз я встретил свою прекрасную девочку только через пять лет.

Глава 2. У бабушки на каникулах. Эпическое

В детстве жизнь интенсивна, а время плотное и тянется очень долго. В саду у бабушки поспел крыжовник и сошёл белый налив, сильно пахнет травами и календулой. Мне уже четырнадцать, и все мои чувства обострены. Я вытянулся и стал серьёзным, осунулся и одичал, над верхней губой появились тёмные усики. О пискях больше ни с кем не говорю, но только о них и думаю. За забором живёт соседская девчонка, она старше меня на год или два и такая же усатая, как и я. Мы в контрах. Назло ей срываю их крыжовник. Она меня гоняет. Я её дразню.

– У меня на неё не стоит, – сказал мой друг Вяно. – У неё грудь волосатая, – гоготал он. «У меня тоже на неё не стоит», – подумал я.

Слоняюсь. Хожу купаться на карьер. Перед домом моей девочки всегда замедляю шаг, заглядываю в их двор. Её нет. Я уже давно позабыл, как она выглядит, и не то, чтобы я думал о ней, нет, просто что-то внутри заставляет меня интересоваться ею. Видимо, это память.

– Видела твою невесту, – улыбаясь, ласково смотрит на меня бабушка, – вчера вечером приехала к своим, на каникулы. Будет до конца лета.

Я и виду не подал, что мне это интересно, но сразу понял, о ком идёт речь. В груди так сильно и быстро застучало, что заложило уши. Нужно было гасить волнение, скрыть его, не выдать себя.

– Какая невеста? Ты чего, бабушка? – протяжно, с усмешкой на губах, для отвода глаз, спросил я таким тоном, как будто мне это неинтересно.

Мудрые взрослые всё знают о нас. Не подавая виду, что я весь, как на ладони, бабушка продолжала:

– Ты знаешь, а она стала настоящей красавицей! Да и умницей впридачу! Её бабушка мне хвалилась, что она очень хорошо учится в школе и в музыкальной школе отличница. Играет на пианино, поёт, рисует – очень талантливая девочка!

Я, отвернувшись, пил большими глотками холодную воду из ковшика. Мне срочно нужно было остыть. «Талантливая, – думал я, – это уж точно!»

И всё-таки воздуха мне не хватило, я выскочил пулей во двор, чтобы вдохнуть полной грудью. Земли под ногами я уже не чувал!

* * *

Встреча была внезапной.

– Привет! – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся и увидел свою девочку. Ноги у меня подкосились, как от страха, будто за мной кто-то гнался, а я, из последних сил убегая, почувствовал, как они становятся ватными и подводят меня.

– Привет! – выдавил из себя.

Моя девочка изменилась. Она стала другой – высокой и фигуристой – ещё лучше! От той, которую я тайно любил, остались одни огромные голубые глаза. Их я узнал сразу!

– Что делаешь? – спросила, нежно улыбаясь, моя любовь, переминаясь с ноги на ногу и что-то теребя в руках.

«О, Господи! Как сохранить лицо?» – крутилось у меня в голове.

– Да, так, ничего. На карьер с пацанами собираемся искупаться, – сказал, и у меня пересохло в горле.

– А можно с вами?

– Да, пожалуйста! А плавать ты умеешь?

– Умею. Я сейчас, быстро переоденусь и вернусь, – давая нам обоим передышку, она побежала домой.

Я потерял покой. Больше не мог ни о чём думать. Только о ней.

* * *

Нас было четверо: три мальчика и одна девочка. Мы были ровесниками и шли купаться на карьер. В то время, как они непринуждённо о чём-то болтали и веселились, я напряжённо думал и следил за ней. Между ними установилась какая-то лёгкая невидимая связь: они шутили – она смеялась. Чёрт! Я тоже так хочу! Но лёгкость бытия покинула меня. Я был влюблён, а это такая мука! Шутки мои невпопад, вид мой нелеп, я раздражаюсь, мне жалко себя, жесты меня выдают...

Пока мы купались и загорали, вся наша мальчишеская отара окончательно успела налюбоваться и прицениться к её красоте. Я большей частью сидел в воде и остужал нижние чакры, чтобы не выдать своих тайных желаний. Друзья же мои, воспользовавшись моей уязвимостью, стали шутить надо мной. Своих намерений они не скрывали, их плавки разбухли, как алые паруса на ветру. Испытание дружбы наступило внезапно. Слово за слово, и началась драка. Двое против одного.

Я бился, как отважный лев. Она кричала и просила всех прекратить. Но не тут-то было! Это был бой – куча-мала! Мы валялись в песке, грязные, потные и окровавленные. Я проиграл бой, но не отступил, поэтому выиграл битву! Мои друзья, пнув по последнему разу меня, лежащего на песке, забрали свои вещи и, поминая меня последними словами, ушли восвояси. Я лежал ничком прямо возле воды. Кровь, сопли и скупые мальчишеские слёзы, смешавшись, текли из меня на мокрый песок, а потом всё дальше и дальше в мутные воды карьера. Надо мной, склонившись, горько плакала моя милая девочка. Обтирала мокрым платком мои раны и сквозь слёзы повторяла только одно: «Я тебя люблю! Я тебя люблю!»

* * *

За годы нашей разлуки на дальних болотах прошла мелиорация, их превратили в луга. Там же стояли стога с сеном. Мы брели в сторону дальних болот. Я не мог показаться дома с таким лицом, хромой и побитый, а она меня не бросала. Нас ждал однозначный приговор – домой, к родителям... Соврать не получалось, всё было шито белыми нитками, и мы это понимали. Мои друзья уже разнесли по посёлку весть. До наших бабушек это дойдет к вечеру, и они выдвинутся на поиски в сторону карьера. На свой страх и риск мы решили заночевать в стогу сена.

Вечерело. Мы недолго раздумывали, тем более, что помогли кабаны, – их семейство выскочило из леса и побежало в нашу сторону. Быстро перемахнув через забор из колючей проволоки, мы спрятались в стоге сена.

Темнота наступила скоро, на августовском небе засияли миллионы мерцающих звёзд далёких галактик. Мы долго-долго говорили обо всём, а потом долго молчали. Сладко пахло сеном, душистым клевером и сухими цветами. Мы слушали тишину, наполненную стуком наших сердец. И опять говорили, вспоминали прошлое и смеялись надо всем. Мы берегли друг друга. Прижавшись к её щеке, я коснулся её губ, она ответила взаимной нежностью. Мы долго целовались, пока не уснули в объятиях друг друга...

На рассвете резким движением руки её бабушка вырвал меня из нашего укромного местечка. Нас обложили всякие бабушки, и шум стоял страшный:

– Ах, что проказники, учудили! Опять взяли за старое! И кто же вас надоумил? Все за вас переживают, думают, что же с вами случилось! Всю ночь ищем с собаками. А они, видишь ли, голубками здесь примостились!

– Что ты наделала! – кричала на мою девочку её бабушка.

– Ничего! – отвечала та резко.

– Сальма, – позвала её бабушка свою золовку, – отвези её к доктору, пусть проверит.

Тем временем её дедушка оттащил меня к соседнему стогу и заставил снять штаны.

– Что это такое? – ткнул он мне пальцем в причинное место.

– Ничего! – отвечал я.

– Как, ничего? Почему мокрое и белое? – хмурился он.

– Это клей, – сказал я. Больше мне нечего было ответить. Я опустил голову и молчал.

Дедушка громко расхохотался и, рухнув на стог сена, прокричал Сальме вслед:

– Не надо её никуда везти. Всё в порядке. У него поллюция.

Что это такое, я ещё не знал, но, похоже, оно нас спасло. Нас не отправили по домам к родителям, но и видеться не давали. Лето быстро закончилось. Мы разъехались.

В следующем году умерла моя бабушка, и я больше не мог приезжать на каникулы. Но свою девочку я помнил и видел ещё два раза – через три года и, в последний раз, – через шесть лет.

* * *

Поезд медленно тронулся от перрона, а я не могу зайти в вагон и стою в тамбуре. Всё у меня внутри сжалось и нахлынуло сразу. Тяжело расставаться. Опустив голову, стыдливо прячу влажные глаза. Передо мной плывут картины этого лета: друзья, бабушка, моя славная девочка. Волнами накатывает такая тоска, что держусь из последних сил, чтобы не зарыдать в голос. Хочу побыть один со своей нежной памятью. Меня не трогают. Мама всё понимает и ждёт в вагоне.

Друзья мои остались мне друзьями. Драка на карьере закалила нас. Мы что-то важное приобрели и поняли, как бережно нужно относиться друг к другу. Этому нельзя научиться просто так, это необходимо понять – через какое-то внутреннее усилие. Делая больно другому, будь готов к тому, что больно будет и тебе. Слова вдруг стали лишними. Никто из нас случившееся на карьере не обсуждал. Мои друзья были со мной!

Перед самым отъездом они помогли мне увидеться с моей девочкой. Рискую попасть в большие неприятности, камнем разбили окно в доме, в котором она жила. Шансов было мало, но странным образом всё получилось быстро и просто, как задумали. Пока взрослые бегали и суетились что да как, они тайком вызволили её из дома и через задний двор вывели на край посёлка, где я ожидал её.

– Уезжаю сегодня, – грустно начал я, – хотел с тобой попрощаться.

На меня смотрели большие голубые глаза, полные печали и доброй надежды. Она протянула мне руку, на запястье которой было вырезано моё имя.

– Что это? Зачем ты это сделала?! – с тревогой спросил я.

– Так надо, – ответила моя девочка, – чтобы помнить тебя всегда.

Я впал в ступор, меня охватил какой-то внутренний страх. На её руке была срезана кожа и виднелась свежая плоть. «Всё ли нормально с ней?» – пронеслось у меня в голове. Я не знал, как реагировать. Я испугался за себя, занервничал:

– А разве нельзя помнить меня без этого?

– Можно, – сказала она и, немного помолчав, добавила, – но не всегда. Ты знаешь, когда люди хотят что-то запомнить, они это записывают. А когда хотят запомнить навсегда, то зарубают. Поэтому давным-давно, когда ещё не писали, делали зарубки и запоминали запахи, звуки и цвета.

Я слушал свою девочку очень внимательно. Всё было так неожиданно и странно, я боялся, что, может быть, она не в себе.

– Кто-нибудь видел это? – спросил, выходя понемногу из ступора.

– Нет, только ты. Другие думают, что я просто порезала руку. Я её только сейчас размотала, чтобы тебе показать, – она испытующе смотрела прямо в меня.

Смешанные чувства заставили ещё сильнее биться сердце. Моя милая красивая девочка лезвием бритвы вырезала у себя на руке моё имя! Что мне делать – гордиться или бежать от неё? Что-то боролось внутри меня, я размышлял.

– Ты знаешь, я трус, – вырвалось вдруг у меня, – твоё имя на своей руке я не смогу написать никогда.

Она за руку потянула меня к себе и спросила, пытаясь заглянуть мне в глаза:

– Ты боишься меня?

– Нет, – быстро ответил я, – я себя боюсь.

Что-то странное происходило. Что-то такое происходило, что переворачивало мою жизнь навсегда.

– Не бойся, я не сумасшедшая, – стала успокаивать меня моя странная девочка, – тебе и не надо писать моё имя у себя на руке.

Её глаза заблестели на солнце.

– Почему же не надо?

Она отвела взгляд и нежно прильнула ко мне всем телом.

– Потому что оно будет написано у тебя внутри...

Хрупкое красивое тело содрогнулось в моих руках. Я понял: она плачет. Крепче прижав её, я молчал. Мои страхи прошли. Я гладил её по спине, целовал мокрые солёные щёки и губы, еле сдерживаясь, чтобы самому не зарыдать. Тёплые волны тихо и размеренно подкатывали и погружали меня в светлую грусть. Перед глазами плыли образы нашего лета. Мы прощались, будто навсегда. Моя милая девочка оказалась тоньше, умнее меня...

И вдруг так прекрасно всё стало в жизни моей молодой! Я увидел свою милую девочку словно светящуюся изнутри, её нежное и чистое сердце! Я впервые пережил катарсис! Губы мои шептали: «Я тебя тоже люблю!»

Как мы расстались, я уже и не помнил. Друзья говорят, встреча была короткая, и меня сразу увезли на вокзал. Помню поезд, тамбур, стук колёс и свою ночную внутреннюю клятву: быть с ней навсегда!

Глава 3. Новый год

На веранде пахнет антоновкой, а на оконных стёклах мороз вывел красивые узоры. Какое счастье снова видеть своих друзей! Я в гостях. Приехал вчера, а сегодня целый день мы катались на лыжах с горы. Вернулись под вечер, замёрзшие, опьянённые морозным воздухом. Сидим в гостиной, пьём горячий чай с пирожками, брэнчим на гитаре и играем в подкидного дурака. На кухне что-то шкворчит, и взрослые приятно суетятся. Мы не мешаем. Потрескивают поленья в печи, в комнате уютно и очень тепло. Сегодня будем праздновать Новый год!

* * *

С тех пор, как умерла моя бабушка, я приезжал сюда только раз – летом, в гости к друзьям, и пробыл здесь десять дней. Девочки моей тогда не было. И вот я снова здесь! Все мы выросли, нам по семнадцать-восемнадцать лет и есть что рассказать и показать миру и друг другу! Нас трое молодых, сильных и шумных парней. Перебивая друг друга, спорим, хохочем, рассказываем, голосим, поём песни. Шутки у нас плоские, мысли у нас быстрые, а сердца горячие. Взрослым нравится, какие мы.

– Ну что, касатик, попался?! – кто-то сильно схватил меня за руку большой двупалой клешнёй.

Не успев испугаться, я увидел радостное лицо дедушки Харриса. Друзья мои ржали. Им было весело, они видели, как он тихо подошёл ко мне сзади. Я стушевался и покраснел. Перед глазами всплыла картина, как он тащит меня этой клешнёй к стогу сена, заставляет снять штаны и тычет указательным пальцем мне в причинное место.

Дедушка Харрис был высокого роста, а на правой руке у него всего лишь два пальца: указательный и большой. В посёлке все его звали Харрис-пистолет.

– Собирайтесь, живо! – скомандовал он. – Пойдёте со мной.

Все оживились, забегали. Родители стали собирать нам гостинцы.

– А куда, куда пойдём-то? – наперебой загалдели мы.

– Хотите Новый год встречать у нас дома? – радостно спросил он. – Там как раз собралась компашка, под стать вам!

Уговаривать не пришлось, через пару минут мы были готовы.

Вечер, тихо. Светят жёлтые фонари. Мы пробираемся по вытоптанной снежной тропинке в гости к моей девочке. Под ногами скрипит снег. У меня сердце сейчас выпрыгнет из груди...

– А вот и Дедушка Мороз, вам подарочки принёс, – подталкивая нас в комнату, пробасил Харрис-пистолет.

Шумная и весёлая компания молодых людей затихла на миг. В огромной комнате было светло и празднично. В углу стояла большая пушистая сосна, наряжённая под новогоднюю ёлку. Кто-то сидел за столом, а кто-то стоял. Вокруг суетились бабушка и родители моей девочки. Они накрывали на стол.

– Проходите, проходите, – приветливо встретили нас родственники моей девочки, – знакомьтесь, кто кого не знает.

Шум и гам продолжился. Компания собралась праздновать Новый год и отмечать день рождения старшей сестры моей девочки. Молодёжи было много, в основном, девушки и парни, наши ровесники, но были и ребята постарше. Друзья мои вписались с пол-оборота, а я встал в углу, почувствовав себя неуклюже, оцепенел...

Незнакомая девушка негромко играла на пианино, кто-то ей тихонечко подпевал. Всё происходило одновременно: одни пели и играли, другие бегали, смеялись и разговаривали. Только я и сосна напротив стояли по разным углам комнаты и думали о своём.

– Садитесь за стол! – раздался призывный клич бабы Герды.

Все бросились рассаживаться. Меня посадили сбоку, но так, что я краем глаза мог видеть ту, на которую жаждал смотреть, но отводил взгляд.

– Ребята, все вы уже взрослые и сами можете поухаживать за собой и другими, – весело балагурил Харрис-пистолет, – те, кому нет ещё восемнадцати, пьют только шампанское, остальным можно и покрепче.

Бабушка Герда бегала вокруг стола и подавала горячее. Раздался хлопок детского шампанского. В мой фужер оно и полилось.

– Ну, что, проводим Старый год! – поднимая стопку водки, засиял Харрис-пистолет. – Пусть он заберёт с собой всё плохое, все наши невзгоды, неудачи. И скажем ему спасибо за всё хорошее, что он нам дал! Ура!

– Ура! – Все, дружно чокаясь, выпили каждый своё и застучали приборами.

– Ну, а чтобы он не хромал и уходил уже побыстрее, – продолжал дедушка Харрис, – выпьем и по второй!

Всем быстро разлили, а мне долили детского шампанского.

– Ты не торопись, Харрис, – гундосила баба Герда, – дай ребятам поесть.

Харрис достал из кармана правую руку и прицелился в бабку. Все рассмеялись.

Вечер набирал обороты, и становилось всё веселее и веселее. До Нового года оставалось часа два.

– Ты познакомился с ребятами? – убирая лишнее со стола, неожиданно обратилась ко мне мама моей девочки.

– Нет ещё, – ответил я, немного сконфузившись.

– А тебе сколько лет? – продолжала она.

– Восемнадцать будет через три месяца.

В фужере передо мной грустно плескалось недопитое детское шампанское.

– Ребята, – обратилась она ко всем, – познакомьтесь с этим симпатичным молодым человеком. Его зовут Вадим, он к нам приехал из Латвии.

Все обратились в мою сторону.

– Привет, Вадим! Привет! – стали раздаваться дружелюбные голоса с разных сторон. – Рады тебя видеть, будем знакомы!

Слегка захмелевшие молодые люди приветствовали меня новым тостом. Кто-то незаметно плеснул водки в мой лимонад. Я не сопротивлялся.

– Дурному кобелю и двести вёрст не крюк, – прогундосила откуда-то из-за угла баба Герда под общий хохот. Всё внимание было сосредоточено на мне. Я залпом выпил свой лимонад с водкой. Только это и спасало меня в тот момент.

– Цыц! – ударил дедушка Харрис своим *пистолетом* по столу, он был уже пьяненький. – Ты, Герда, лучше бы помолчала. Не тебе судить о движении его сердца...

В паузе, которая невольно возникла, я вдруг понял, кто был инициатором нашей встречи... Через год или чуть больше, когда я уже служил в армии, его не стало...

Но и теперь, когда пишу эти строки, передо мной стоит светлый образ этого большого и доброго человека.

* * *

Вечер был в самом разгаре. Смех вперемешку с шутками, водкой и добрыми возгласами в мой адрес помогли мне расслабиться. Я не воспринимал слова бабушки Герды обидными. Наоборот, они мне самому казались смешными. Ко мне стали проявлять интерес две новые девушки и два парня, мы непринуждённо и весело о чём-то болтали. Ребята оказались сокурсниками моей девочки, учились то ли на композиторов, то ли на певцов, сейчас я уже и не помню. В общем, музыканты. Приближался Новый год, а я чувствовал на себе пристальный взгляд.

– Ну что, встречаем! – раздался чей-то громкий и весёлый возглас. – Все на улицу, пить шампанское! Захватите свои фужеры, хлопушки и бенгальские огни!

Мы жизнерадостной толпой вывалили на мороз. Моё ночное, чистое, звёздное небо дышало надеждой. Я взбодрился и был счастлив.

Из открытых дверей и окон дома – доносилась праздничная речь с телеэкрана. Кто-то откупоривал бутылки с настоящим шампанским и разливал его по фужерам, кто-то громко кричал, торопил. Забили куранты. Все подхватили: раз, два, три... двенадцать! С Новым годом! С новым счастьем! Стоял гул, в небо взметнулись несколько сигнальных ракет, зажглись бенгальские огни, захопала хлопушки. Все обнимались и целовались, поздравляя друг друга с Новым годом, с новым счастьем. Нашей радости не было конца!

Родственники моей девочки сразу после встречи Нового года ушли к соседям смотреть «Голубой огонек» и «Ритмы зарубежной эстрады», предоставив нас самим себе. Вернувшись в дом после шампанского, я сел в уголке, захмелел, по телу разливалось приятное тепло. Играла спокойная эстрадная музыка, и несколько пар танцевали, нежно прижимаясь друг к другу.

– Ты как себя чувствуешь? – спросили меня друзья.

– Отлично! – улыбаясь, ответил я.

– А чего к ней не подойдёшь?

– Не знаю, как, – по-прежнему улыбаясь, сказал я, – она с каким-то парнем весь вечер сидит и флиртует. На улице с ним целовалась, а ко мне даже не подошла.

– Да брось ты! Она тебя дразнит. Не обращай внимания! – подбадривали меня друзья.

– Пошли к столу, там интересная компания, песни собираются петь. Посидим, выпьем ещё чего-нибудь.

Мы перебрались за стол. Мне налили стопку водки, и я жажнул её сгоряча. Потом ещё и ещё. Играла на гитаре, пели романсы. Моя девочка запела под гитару о какой-то несбывшейся романтической любви. Потом ещё что-то пела, и всё про любовь да про нежность.

Компания действительно собралась замечательная, талантливая. Большинство ребят были музыкантами, прекрасно играли на разных инструментах и красиво пели.

В перерыве продолжились танцы. Часть ребят постарше, друзья сестры моей девочки, потихоньку стали расходиться. Да и сестра со своим другом куда-то исчезли. А мы остались веселиться и гулять. В какой-то момент я смирился с тем, что не судьба мне быть с ней.

– Да и ладно, – думал я, – пусть ей будет хорошо. – Меня отпустило.

Играла громкая музыка, кто-то что-то кричал, прыгал и дёргался на полу. Симпатичная девушка выхватила меня из-за стола и потащила танцевать. Заиграл рок-н-ролл. Звук на бобинном магнитофоне сделали ещё громче. Колонки вздрогнули, и Элвис дал жару. Я не подкачал! С первых же аккордов тело моё приняло нужную стойку. Я немного согнулся, резко повернул голову в сторону своей партнёрши, схватил её за руку и в такт музыке принялся вертеть взад и вперёд, ритмично и высоко взмахивая ногами. Это я умел – был футболистом. Народ в недоумении расступился и с интересом наблюдал за нами. Девушка не растерялась и, полностью окунувшись в танец, дала волю своим страстям. Импровизация вышла на славу!

Еле отдышавшись, мы уселись за стол. Она быстро разлила по фужерам шампанское и выпила со мной на брудершафт. Народ продолжал весело танцевать, а мы сидели и о чём-то болтали. И тут я ощутил на себе пристальный взгляд...

– А давайте в бутылочку играть! – раздался чей-то громкий возглас...

– Давайте! – поддержали остальные.

– Как будем играть, на поцелуи?

Музыку сделали чуть тише.

– Почему на поцелуи? Давайте на поцелуи и раздевание! – услышал я голос своей девочки.

Градус повышался, но мне было уже всё равно, во что и с кем играть. После последнего бокала вина я был пьян.

На пол бросили одеяла и подушки для сидения, стали размещаться по кругу. В центре поставили пустую бутылку от шампанского. Усевшись первым, я скрестил ноги и, покачиваясь, ждал начала.

– У тебя кто-то есть? – вдруг прозвучал голос моей девочки у меня за спиной.

Повернувшись, я увидел её лицо очень близко. Она присела на корточки и смотрела прямо в меня. Её голубые глаза приобрели мягкий сероватый оттенок, на них ниспадала вьющаяся прядь длинных золотистых волос, а эллипс любимых губ был выразительно обведён косметическим карандашом. Нежный овал лица, прямой нос, длинная шея и слегка изогнутые тонкие брови завершали гармоничный облик её светлого и чистого образа. Передо мной была взрослая, высокая, стройная, безумно красивая девушка! Я безнадежно всматривался в её лицо несколько секунд и, ничего не ответив, отвернулся.

Начиналась самая интересная часть вечеринки. Нас было девять человек: пятеро парней и четыре девушки. Мы расселись через одного, но парней было больше, и с одной стороны от меня оказалась девушка, с которой я танцевал, а с другой – мой друг. Моя девочка сидела напротив меня, а рядом с ней – её хахаль. Второй мой друг и ещё одна девушка отказались играть и ушли в соседнюю комнату смотреть «Ритмы зарубежной эстрады».

На полу появились рюмочки, в которые разлили кофейный ликёр «Мокка» – мой тайный гостинец на Новый год.

Правила игры были простые, а последствия непредсказуемые. Тот, на кого укажет бутылочка, должен выпить рюмку ликёра, снять с себя какую-то часть одежды, поцеловать того, на кого укажет крутящий бутылочку, и передать эстафету. Бросили жребий. Первой бутылочку крутила смешная девушка в розовом джемпере поверх костюма. Я сначала и не понял, как преобразились некоторые участники игры, а когда сообразил, было уже неважно. Чтобы не оказаться быстро раздетыми, они напялили на себя сверху ещё какие-то одежды. Только я сидел в одной рубашке, свитер мой после зажигательного рок-н-ролла валялся в углу под сосной

* * *

Бутылочка закрутилась и выпала на моего друга. Он опрокинул в себя рюмку ликёра, снял носок и поцеловал меня в губы. Всем было весело. Дальше бутылочка указала на хахаля. Тот выпил ликёр, снял часы и поцеловал меня в губы. «Ну, хоть так, – подумал я, – приближусь к своему Альмутасиму».¹ В комнате стоял хохот. Новый заход, и бутылочка выбрала мою девочку. Она сняла пиджачок, выпила «Мокку» и поцеловала своего хахаля взасос. Я смотрел молча. Чмокаться по правилам было нельзя. Игру покинул мой друг. На этот раз бутылочка указала на меня. Я тоже выпил ликёр, потом снял рубашку и сцепился во французском поцелуе с партнёршей по танцу. Дальше – больше. Круг повторился. Моя девочка лобзалась с хахалем, а я – с партнёршей по танцу. Напряжение нарастало.

Игру покинули ещё трое. Нас осталось пятеро: моя девочка, её хахаль, моя партнерша, я и девушка, с которой никто не хотел целоваться. Появилась новая бутылка другого, сладкого, ликёра. Меня развезло. В какой-то момент я заметил, что остался в одних трусах. Остальные были ещё как-то одеты. Решили взять небольшую паузу. Хахаль что-то весело шептал на ушко моей девочке и самоутверждался за мой счёт: взял гитару и запел собственные сочинения. «Ритмы зарубежной эстрады» завершились, и народ жался по углам огромной комнаты, с интересом наблюдая, чем всё закончится. Кто-то из моих друзей уговаривал меня пойти домой. Я отнекивался и упрямствовал, настаивая на своём.

¹ Альмутасим – в рассказе «Приближение к Альмутасиму» Х.Л.Борхеса означает существо божественной природы, испускающее свет.

Пауза быстро закончилась, и моя девочка крутанула бутылку. Зашуршало шёлковое безумие и горлышко показало на меня. Смолкла музыка, и все притихли. Перед моими глазами пронеслась вся жизнь. Кружилась голова, меня подташнивало. Молча жажнув рюмку сладкого ликёра, качаясь, я встал, стянул трусы и, отбросив их в сторону, схватил за руку свою девочку и притянул к себе. Сильно прижимая и удерживая, переплетая её руки, на мгновение взглянув ей в глаза, я впился в неё долгим засосным поцелуем. Настала мёртвая тишина.

Резкая боль привела меня в чувство. Оттолкнув свою девочку, я выхватил из рук хахаля гитару, качаясь и спотыкаясь, выкатился на середину комнаты и ртом полным крови, истошно завопил свою песню: «Ах, в зарослях и джунглях Миндораса, обезьяна модная жила, ах, полюбила негра, негра-пидораса, а е..ть ни разу не дала!» На последнем аккорде с криком: «Это твоему композитору!», – я бездыханно рухнул на пол, разбив себе бровь и гитару хахаля.

Открылась дверь, и в комнату вошли родственники моей девочки. Последнее, что я смутно слышал сквозь дурманящий сон, это как бабушка Герда прогундосила дедушке Харрису:

– Ну вот, а ты говорил! Он опять за старое взялся!

* * *

Проснулся я поздно, после обеда. Комната была светлая, чистая и уютная. В окно заглядывало низкое зимнее солнце. Я лежал в кровати голый, укрытый одеялом и пледом. Рядом стул с аккуратно сложенной одеждой. Откуда-то снизу доносились глухие звуки и голоса. В комнате чуть слышался сладкий запах моей девочки. Я всё ещё был у неё в гостях. Озираюсь по сторонам, вспоминая сцены ночной вечеринки. Вспомнил всё...

Физически чувствовал себя хорошо, молодой крепкий организм легко справился с алкогольным отравлением, но моральные терзания разрывали меня в клочья. Хотелось выброситься из окна и бежать, куда глаза глядят. Меня угнетала собственная бесполезность и ничтожность. Такого позора я ещё не испытывал.

Послышались шаги, и дверь в комнату тихо приоткрылась.

– Ну что, касатик, проснулся? – ласково улыбаясь, в комнату вошёл дедушка Харрис.

Я повыше натянул на себя одеяло и отвёл от него стыдливый взгляд. Он присел на кровать, похлопал меня по руке и спросил:

– Думаешь, не по зубам тебе наша девочка?

Я молчал. Мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю. Лучше бы я не родился!

Дедушка Харрис был человек тонкой натуры и видел движение людских сердец. Он был одним из тех чутких, внимательных взрослых, с которыми всегда просто и легко. Он умел утешать и взбадривать. Его все любили.

– Знаешь, – продолжал он, – ведь я со своей старухой примерно так же сходил. Она растопила моё жёсткое сердце, как в сказке про Кая и Герду. Время было такое. Характер у нас обоих не из лёгких. Я был задирист, норовил ущипнуть, сделать по-своему. Она же терпела и ждала. А когда наступал нужный момент, брала меня за грудки и трясла изо всех сил, как грушу.

Улыбаясь, он взял меня за плечи и легонько потряс. В ответ и я грустно улыбнулся, поняв намёк. Самовлюблённый болван получил по заслугам...

– Ты хороший мальчик, мы все об этом знаем, – продолжал он, – и, поверь мне, то, что случилось – не самое плохое в твоей жизни. Когда-нибудь ты это поймёшь, и вы будете об этом вспоминать и смеяться.

После этих слов мне стало жалко себя, на глаза накатились слёзы, хотел их скрыть и не мог. Дедушка Харрис спокойно смотрел на меня, потом встал, поправил одеяло у меня в ногах и направился к выходу. Сделав пару шагов, обернулся и добавил:

– Ты полежи, отдохни немного. А затем вставай, одевайся, умывайся и спускайся к нам. Все тебя ждут. Твои друзья скучают по тебе. Сегодня же Новый год, и у Анны день рождения. Так что, давай!

Я отвернулся.

– И ещё, – сказал он, подойдя к двери, – но только по большому секрету. Умеешь хранить тайны?

Я хмыкнул невнятно.

– Внучку свою я знаю вдоль и поперёк. Она моей старухе все уши прожужжала. После смерти бабки твоей только и разговоры шли, что о тебе, и она очень ждала, когда же ты приедешь.

Дедушка Харрис вышел из комнаты. Я остался один на один со своими мыслями.

Чуть погодя раздался стук и осторожно приоткрылась дверь – в комнату вошла моя девочка.

– Там мама твоя пришла, принесла чистую рубашку и бельё. Вот, бери. Я положу их здесь. Ты будешь мыться? – спросила она.

– Да, – ответил я, пряча глаза.

– Ванная напротив. Там всё есть: мыло, шампунь. Ну, сам разберёшься.

Она забрала мои грязные вещи и вышла.

* * *

В ванной комнате я рассмотрел в зеркале свою разбитую бровь и сильно прокушенную нижнюю губу. Раны были хорошо обработаны. «Вот сучка!» – подумал я, но делать было уже нечего. Всё было сделано. Приняв душ и переодевшись, почувствовал себя легче, а спускаться всё равно не хотел. Снизу уже слышался шум, раздавались знакомые голоса. Я тяжело вздохнул, стало понятно, что тянуть больше нельзя. С застывшей гримасой улыбки на лице спустился по лестнице. Народ, обернувшись в мою сторону, тихонько лыбился.

Бабка Герда не удержалась:

– Давай, давай, проходи! Не стесняйся, чего мы у тебя-то не видели? Уж с пяти лет наблюдаем твои закидоны.

– Бабушка! – пыталась одёрнуть её моя девочка.

– И твои тоже, – прогундосила Герда.

Все взорвались смехом. «Какое счастье, – подумал я, – что у её бабки есть чувство юмора». Внимание с меня переключилось, и обстановка сама собой разрядилась.

Выходные были длинными, поэтому никто никуда не разъехался, все, за исключением нескольких человек, были в сборе. В большом доме места хватало всем, а кому не хватило, ночевали у соседей. Мама моей уже не было. Не дождавшись меня, она ушла. Я прошёл к столу и сел рядом со своими друзьями. Немного перекусив и выпив горячего чаю, мы вышли на улицу погулять. Наконец-то внутреннее напряжение меня отпустило.

– Ну, чего было-то? – живо поинтересовался я.

– А ты что, не помнишь, что ли, ничего? – заржали мои друзья.

– Почему? Помню, но не всё. Что было потом?

– А потом, – хохотали они безудержно, – тебя за руки и за ноги потащили вверх по лестнице в её комнату и бросили на кровать.

– Кто бросил, кто тащил? – не унимался я.

– Кто, кто? Харрис-пистолет с бабкой и её родители. А все помогали.

Почувствовав свою уязвимость, я отвернулся, было противно и стыдно представлять эту картину.

– Ну, а она что? – спросил раздражённо. Всё же любопытно и важно узнать о её роли. Хотел не прекращался, а только усиливался.

– А она, – еле переводя дыхание, гоготали друзья, – бегала вокруг тебя в лифчике и трусах с тапками. Тебя рвало, она их подносила и обтирала блевотину, пока бабка чем-то не дала ей по башке, заорав, чтобы оделась.

Я замолк, мне было совсем не смешно... Хорошо, что хотя бы погода по-зимнему прекрасна. Мороз и солнце, день чудесный! Солнце уже клонилось к горизонту. Мы прогуливались недалеко от дома, возле леса. Я смотрел по сторонам и дышал полной грудью, чтобы хоть как-то восстановиться.

– Ну, а хахаль что, композитор её? – спросил я уже спокойно.

– Да какой это хахаль, ты чё! Это такой же пацан, как все, но оказался жертвой подвоха, как и ты. Ты чего, не понял ещё? Мы же предупреждали, что она дразнит тебя! Он после твоего выступления затих и вырубился под сосной. Когда мы уходили, он там и спал.

– А она где была?

Ребята остановились и перестали смеяться. Тон менялся, нужна была передышка.

– А она, Вадька, – продолжили уже серьёзно, – до утра бегала возле тебя, всё что-то убирала и подтирала. Потом ей бабка постелила на полу в коридоре, рядом с твоей дверью, и сказала, мол, спи, как собака, за свои игрища, хлопнула дверью и ушла к себе. Ну, и мы тоже ушли домой, спать.

Картина вечера прояснилась. Я жадно и глубоко вдыхал свежий морозный воздух и выдыхал пар. Охлаждался. Мороз бодрил и успокаивал. Ум просветлел и пришёл покой, да не один, а с лёгкостью и непринуждённостью. «Остановиться бы, – промелькнула мысль, – слишком уж хороша для меня моя девочка». Я понял, что придётся либо отступить, либо меняться, совершая усилия над собой. А это тяжело, хочется отступить...

Глава 4. Запах антоновки

Стемнело. Мы долго гуляли и уже замёрзли, пора было возвращаться – нас ждали. Погружённый в собственные мысли, я решил отступить. Память о ночной вечеринке держалась цепко, не хотелось вновь становиться объектом всеобщего внимания. Мои друзья вернулись ко всем, а я пошёл в дом, где остановился, и лёг на кровать. В доме было всё так же тепло и уютно, в гостиной звучала негромкая музыка радио. Взрослые сидели на кухне и тихо продолжали праздновать Новый год. Заметив, как я проскользнул, ко мне в комнату вошла мама.

– Сынок, что там у вас произошло? – спросила она, внимательно рассматривая моё пострадавшее лицо. Ей было жаль меня, она беспокоилась.

– Ничего не произошло, мам. Просто я поскользнулся и упал. На улице же скользко, вот и всё, – не желая поддерживать разговор, отнекивался я.

– А мне сказали, что ты сильно напился и тебя рвало... – настаивала она на своём, пытаясь развернуть меня к себе лицом.

– Да ты больше слушай, что тебе порасскажут про меня! Врут! Ничего я не напился, просто у камина надышался угарного газа!

Уклоняясь и пряча глаза, я начал выдавливать её из своей комнаты.

– Сынок, ты только не пей, – сменив тон, увещевала мама, – а то и так как дурной стал, общаясь с этой девочкой, а пьяный так...

Не найдя нужных слов, она умолкла, но всё же успела заглянуть мне в глаза и рассмотреть разбитую бровь.

– Ладно, мам, да не пью я, – вырываясь и выворачиваясь, раздражённо врал я, выталкивая её из комнаты, – ты же знаешь, я спортсмен и пить мне нельзя.

Она, ничего не сказав и поддавшись моему давлению, вышла из комнаты. Я закрыл дверь, выключил свет и лёг на кровать.

* * *

«Какие приставучие и наивные наши родители, – думал я. Они всегда хотят видеть в нас только самое лучшее и готовы верить всему, прощая и не замечая наших ошибок».

Заложив руки за голову, я лежал на спине и размышлял. Конечно, мне было очень интересно знать, что сейчас происходит без меня в доме моей девочки. Но появляться там у всех на глазах я не желал. Да и вообще, я решил с ней развязаться! Какая-то необычная девочка – она вызывала во мне сильные и противоречивые чувства. Что же меня так манит к ней, сильным магнитом притягивает и плющит? Я становлюсь ватным, парализованным, обезоруженным в её руках. А так ведь нельзя! Да, она очень красивая и милая, её молодое, нежное тело необычайно обворожительно и маняще. Им хочется обладать полностью, без остатка, хочется поглощать его, неустанно утоляя им жажду.

Сама мысль о возможности обладать ею вызывает томительный трепет ожидания блаженства и поднимает свинцовую часть моего естества куда-то вверх, в грудь и голову, где ей места мало, вытесняя всё остальное. И тогда на поверхности проявляются все, в том числе, самые тайные, порочные, мысли и желания. Я держусь изо всех сил, но часто в этой изнурительной борьбе – побеждаем...

Моя девочка снилась мне несколько раз, и почти всегда я истекал, просыпался испачканным, мокрым. Как же быть? Что же делать? Её голос, улыбка – сладчайший мёд для меня, взор её волнует, сводит с ума. Она обаятельна и неглупа – это бесспорно. Но в то же время – дерзка, экспрессивна. Может, я боюсь её?.. – думал я. Внутренний образ её – загадка, а её влюбленное сердце – боль для меня.

Мысли о ней меня утомительно поглощали, не принося никакого утешения. Я старался переключиться. Вспомнил других знакомых девчонок и начал погружался в тихую дрему. Веки мои тяжелели, дыхание затихало. Сквозь полусон, продолжая мечтать уже о других, я думал: они тоже красивые, некоторые даже очень. Может, не так обаятельны, но очень милы и не так заморочены. Они проще и доступнее будут. Не надо из себя что-то строить, взял гитару – она твоя! От них не нужны мне ни телячьи нежности, ни высокие жесты, ни любовные романы с интригами. Мне вообще не нужны они, как таковые, нужна только их доступность. Но и с ними у меня шло всё не так гладко, как хотелось бы. Постоянно что-то случалось, мешало. Я пасовал, не настаивал, верил всяким их бредням. Целовался враскоряку пару раз, да и всё. Нужно быть настойчивей, решительней и инициативней!

Глубоко вздохнув, я повернулся на бок и натянул на себя одеяло. В тёмную комнату тихо-тихо проникали звуки далёкого радио и жёлтый свет дребезжащего фонаря с улицы, раскачиваемого порывами зимнего ветра. Этот туманный шизофренический свет падал узкой моргающей полосой с подоконника на пол, тянулся дальше и дальше, прямо к моим ногам. Я потихоньку проваливался в царство Морфея.

– Всё-таки моя девочка – самая лучшая, – подумал я, – лучше всех! Погружаясь всё глубже и глубже в сонное небытие, лелеял последнюю мысль: «Эх, если бы мне выпал хоть один, хоть единственный сантиметр шанса, я бы его сейчас не упустил!»

* * *

– Вадька, Вадька, – кто-то шёпотом будил и расталкивал меня во сне, – вставай, слышишь! Да проснись ты, наконец!

Я приоткрыл глаза. Сквозь дрему и темноту рассматривая слабые очертания своего друга Андерса-финна, пробурчал:

– Чего тебе надо? Я сплю.

– Вставай, пойдём на веранду, поговорить надо, – настаивал он шёпотом.

– А завтра нельзя? – продолжая дремать, буркнул я.

– Нет. Может, завтра не наступит никогда, – он тихо давился смехом, намекая на популярный американский боевик.

Я вытянулся, немного полежав, сбросил с себя одеяло и стал подниматься. Мы на цыпочках тихонько пробрались через гостиную, вышли на веранду. Все уже спали. На веранде всё так же вкусно пахло антоновкой, было прохладно и не по-ночному светло. Жёлтый уличный фонарь заливал своим светом её небольшое пространство. Усевшись за стол, я зевнул и, съевшись, скрестил на груди руки.

– Сколько времени? – спросил, окончательно просыпаясь от холода.

– Час ночи, – ответил мой друг, странно и весело улыбаясь. Он был подвыпивший, от него несло водкой.

– Чего тебе надо? Зачем ты меня разбудил? – маскируя свой интерес, спросил я.

– Я тебе сейчас такое расскажу, ты обалдеешь! Выпить хочешь? – вынимая из-за пазухи непечатую бутылку водки, предложил он. – Я её спёр у Харриса-пистолета, для тебя, если что. Он же всё равно не заметит, правда? У него целый ящик водки в каморке...

Мне было всё равно. Я хотел спать.

– Нет, не хочу, – ответил, пытаясь интонацией вернуть его к сути дела.

– Ну, как хочешь. – Андерс-финн поставил бутылку на стол и присел рядом. – Короче, твоя сохнет по тебе в бане, – не скрывая своего любопытства, заглядывал он мне прямо в глаза.

– Как сохнет в бане? – механически переспросил я. Сонливость испарилась, в висках застучало.

– Она ждёт тебя в бане, прямо сейчас, – повторил, улыбаясь, мой друг.

– Ты откуда знаешь? – вовлекаясь, я сделал недоуменную гримасу, вмиг схватив всё на лету. Хотелось растянуть удовольствие познанием предыстории: что же на самом деле произошло и что происходит? Я снова в игре?!

– Она просила меня передать тебе, что хочет с тобой поговорить. Сказала, что будет ждать тебя в бане до утра. Умоляла, чтобы я передал!

Достав из ящика под столом большое сочное яблоко, Андерс-финн смачно надкусил его и ухмыльнулся с полным ртом:

– Ну, как тебе, а?!

«До утра», – эхом отозвалось во мне. Я смутился. Опять то «навсегда», то «до утра», – у неё что, нет границ покороче?

– Почему до утра?

– Не знаю, так сказала и всё, – продолжая грызть яблоко, ответил он. – Может, потом баня остынет и будет холодно?

«Ну да, – подумал я, – верёвки вить из меня...» И начал расспрашивать:

– А что там было у вас?

– Скукота без тебя, – заржал он, – сегодня всё было чинно. Ну, если не считать парочки перлов от Харриса с бабкой. А так – праздновали день рождения Анны. Вечером Харрис-пистолет баню истопил, и мы с пацанами ходили париться. Все уже устали, Вадька, от встречи Нового года и дня рождения. Кстати, твоя рано ушла к себе. Наверное, тебя не дождалась... – улыбался Андерс-финн.

– А как она тебе передала просьбу о встрече со мной? – уже жадно интересовался я.

– Из окна. Мы когда расходились, она высунулась и тихо позвала меня. Говорит, передай, пожалуйста, Вадиму, что буду ждать его в бане до утра. Мне очень нужно с ним поговорить. Прямо умоляла, вот так вот! Нравишься ты ей, Вадька! – довольный собой, продолжал Андерс-финн. – Наверное, у себя в комнате что-то замышляла, план строила. А ты ссал, что у неё кто-то есть! – он, подбадривая, похлопал меня по плечу.

– Харрис-пистолет, подвыпив, сказал в парилке, что совершенно спокоен за свою внучку, потому как она – смерть мальчишкам! Мы ржали! Никто к ней не лезет после твоего выступления. Она вроде как тоже пострадавшая сторона, а? Может, и ей как-то не по себе, вот и ушла, чтоб не светиться. Да и бабка ей жужжала про вас, мол: «Дерёт коза лозу, а волк козу, – два сапога пара!»

Последние слова привели меня в чувство. Я вмиг просветлел, мне стало жалко мою девочку и странно за себя. Как точно, подумал я, – смерть мальчишкам! Именно этого я и боялся!

– Наливай! – весело скомандовал я. Хотелось набраться смелости, план-то уже готов.

На столе появились два стакана. Друг мой принёс одеяло и набросил его на меня. Откупорив бутылку, я налил нам совсем по чуть-чуть. Не хотел напиваться, а он и так был хорош. Наслаждаясь общением, дружбой, мы потягивали водку из гранёных стаканов и закусывали зимней антоновкой. Необычайно светло и тепло стало у меня внутри. Я накинул одеяло на Андерса-финна и опёрся головой на руку. В ночном жёлтом туманном свете уличного фонаря, на прохладной веранде с морозными узорами на стекле и яблочным ароматом, мой милый друг поведал мне о моей первой любви. Рассеянным внутренним взором я мечтательно блуждал по его рассказам.

Он лучше меня знал мою девочку, он здесь жил и общался с ней всякий раз, когда она приезжала. Истории его были полны нежной заботы обо мне. Андерс-финн и не заметил, как переключился на своё, стал с грустью подробно рассказывать о себе и о своей милой девушке, которая была ему дорога, о её злых и жадных родителях, не позволявших ей ничего. Андерс-финн берёт свою любимую и скрывал от всех. Он говорил о том, чем не мог поделиться ни с кем. Я внимательно слушал, расслабившись и немного согрившись, и почувствовал, как

поплыл. Голос его зазвучал монотонно, как будто издали, всё глуше и глуше, а образ размылся. Я уже не прислушивался к словам, а, погружившись в себя, размышлял.

Как же прекрасно, думал я, что у меня есть такой замечательный друг. Такой внимательный, нежный, заботливый. Открывшись, он предстал предо мной таким в первый раз, в совершенно другом, новом свете. Какое же у него доброе и чистое сердце! Я был сражён наповал, я впервые слушал такого искреннего и отзывчивого ровесника. Какой он, оказывается, прекрасный человек!

Меня осенило: как томительно больно может быть и другому, и другой человек может так же страдать, переживать и любить, как и я... Мысли его, раньше казавшиеся мне неказистыми и неважными, теперь стали очень близки и понятны, а нежные ранимые чувства так же ценны и дороги, как свои.

– Так что, Вадька, эта девчонка как раз для тебя! Эй, да ты что, спишь?! – он затормозил меня.

– Нет, нет! Просто заслушался, – собираясь с мыслями и меняя позу, улыбнулся я.

Возникла короткая пауза. Я хотел как-то выразить благодарность ему за то, что он мне рассказал, и за то, что он есть у меня.

– Слушай, выпить хочу за тебя! – неожиданно для него сказал я. – Знаешь, ты настоящий друг! Ты самый лучший, добрый и близкий мне человек! И я люблю тебя! Пусть всё у тебя получится! Я в это верю!

Налив себе водки в стакан, я выпил за своего лучшего друга! Подошёл и крепко обнял его. Андерс-финн немного смутился, глаза его заблестели в жёлтой ночи. Но сразу как-то внутренне собравшись и повеселев, он напомнил мне, что уже пора идти, и стал быстро убирать со стола. Моему другу хотелось побыть с собой наедине. Я отвёл взгляд и не мешал ему, но заметил, что ему было очень приятно слышать такие слова: он их не ждал от меня. В эту ночь Андерс-финн откровенно и сердечно открылся мне в том, чем не мог поделиться ни с кем. Друг мой любил меня и доверился мне полностью. Потом, через несколько лет, я признался ему, что в ту ночь в моей жизни он неприметно сыграл свою главную роль. Услышал ли он меня, не знаю...

* * *

Мы пробирались по снежным тропинкам огородами на задний двор дома моей девочки. Там, в углу их большого участка, стояла деревянная баня. Было уже два часа ночи. Во дворах раздавался редкий и гулкий лай собак. Зимнее холодное небо затягивалось ночными облаками, через них проглядывала луна. Погода менялась, становилось ветрено, но не темно. Я нёс за пазухой бутылку недопитой водки, запечатанную хлебным мякишем, а в карманах – антоновку.

– А где Рууди? – спросил я своего лучшего друга Андерса-финна о нашем втором лучшем друге.

– Помнишь девчонку, которая играла с вами в бутылочку, её ещё никто не хотел целовать? Он с ней замутил, и они рано вечером куда-то исчезли, я даже не знаю, куда.

– Ну, теперь она зацелована будет! – усмехнулся я.

– Или покусана!

Мы оба захохотали. Собаки в округе отозвались.

– Как бы мне снова не угодить в клещи Харриса с бабкой, – проговорился я о своих опасениях, – это какой-то рок, они постоянно нас ловят, застукивают.

– Не бойся, сейчас не застукают. Харрис-пистолет пьяный спит, его пушкой не разбудить. А бабке и дела нет до бани, она туда никогда не ходит, это его вотчина. Да и вы там долго не будете, до утра баня остынет, и вы разойдётесь. Не тяните там сами, как начнёт рассветать – уходите.

– А родители? – спросил я.

– Родители вчера вечером уехали. Так что тебе подфартило, Вадька! – Андерс-финн радостно похлопал меня по плечу.

Мы рассмеялись, но на сердце всё же было тревожно, меня крепко держал в своих лапах мандраж.

– Вот и пришли, – Андерс-финн стал заглядывать в окна предбанника – там было темно. За плотными занавесками еле-еле виднелись мерцающие огоньки двух свечей.

– Она там, ждёт тебя, – сказал он, – можешь стучать, сейчас тебе дверь откроет. – Ну, лады, я пошёл. Если что, подожду ещё тебя у нас на веранде минут пятнадцать-двадцать. Если не придёшь, пойду спать.

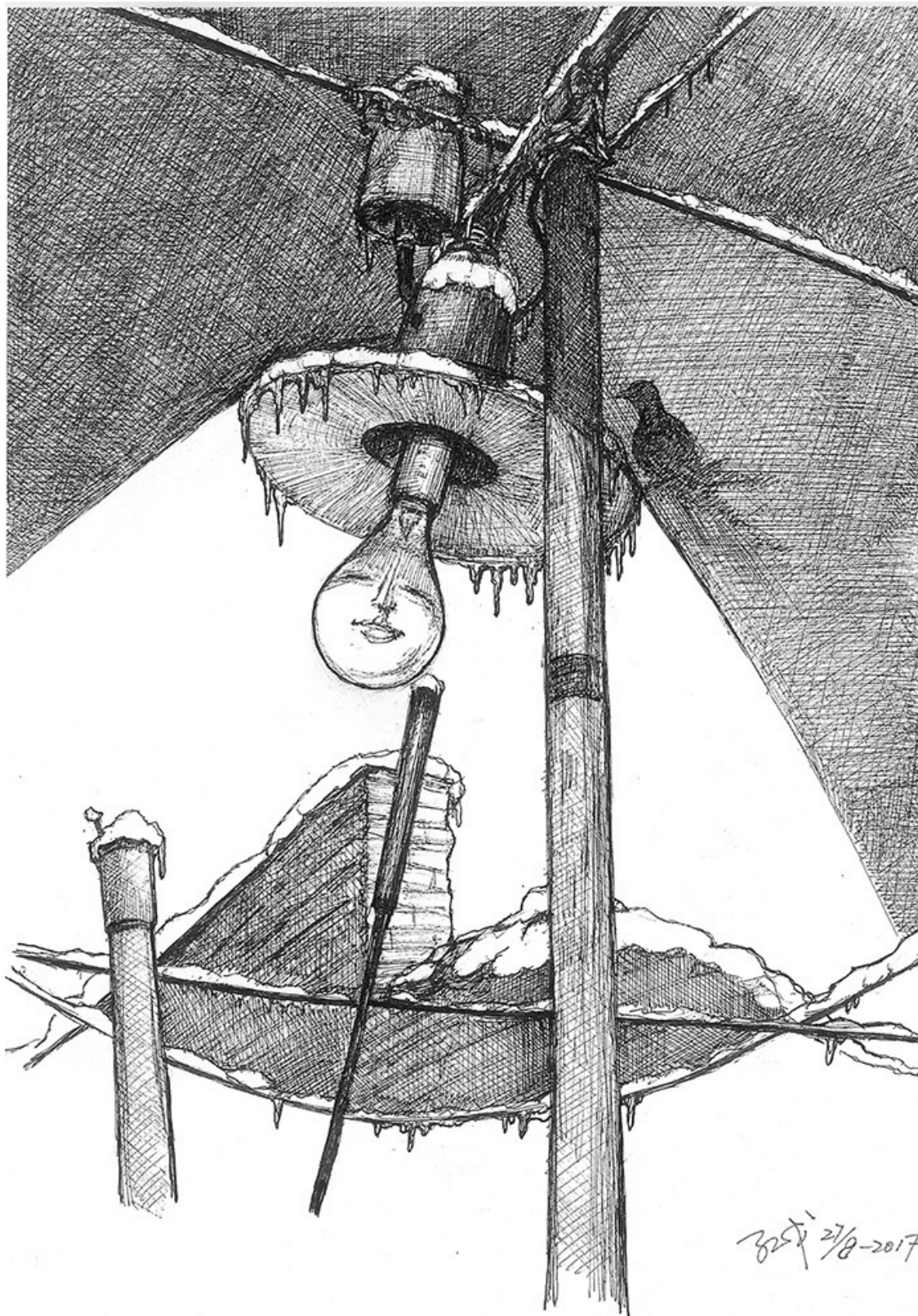
Он на миг заглянул мне в глаза, улыбнулся и ударил меня в плечо:

– Ну, ни пуха тебе, ни пера! – развернулся и побежал домой.

Как будто что-то оборвалось... Я так привязался к нему, и вдруг остался один.

В доме моей девочки, напротив, чуть поодаль, было тихо и темно, и только порывистый ветер завывал в трубах.

В эту ночь моя жизнь изменится – на-все-гда!

Глава 5. Атанор

Немного постояв и собравшись с духом, я осторожно постучал в окно. Внутри всё колотилось. Через мгновение раздался знакомый голос:

– Кто там?

– Это я, открывай!

Тихо отворилась дверь, и я прошмыгнул внутрь. В предбаннике было сухо, жарко и темно, дверь в парилку открыта. Морёная обшивка деревянного интерьера поглощала и гасила свет от двух толстых свечей, горевших в углу на низких табуретах. Между ними на полу лежал солдатский матрас, застеленный синей простынёй, и парочка декоративных подушек. С другой стороны стоял длинный стол, вокруг него – стулья, скамейки. Небольшой шкафчик и две тумбочки разместились рядом с дверью. На стене, прямо у входа, на крючках, висели несколько полотенец, халат и пальто моей девочки. Казалось бы – небольшое пространство, но места хватало всему и ещё оставалось. Внутри было прибрано и душисто пахло берёзовыми и дубовыми вениками.

– Привет! – сказал я с улыбкой, снимая пальто и ставя бутылку водки на стол.

Из окружающей обстановки я понял, что моя девочка ждала встречи со мной в этом укромном уголке, уютно устроившись на матрасе с подушками, между двух толстых мерцающих свечей, и читала книгу. Книга лежала на табурете обложкой вверх. Подойдя ближе, я прочёл: «Жорж Санд. Графиня Рудольштадт».

– Ты что, будешь пить? – удивлённо спросила она. – Тебе же так плохо было вчера!

– Ну, не знаю, – расплывшись, я продолжил, – как пойдёт, по обстоятельствам...

– Что пойдёт? – оборвав меня на полуслове, с интересом спросила она.

Несмотря на то, что мы знали друг друга уже давно, нам всё же предстояло заново познакомиться. Мы выросли и изменились, но интересы взаимного не потеряли. Необходимо было что-то прощупать, лучше понять, кто мы есть.

– Послушай, я и сам не знаю, просто так сказал. Ты вроде хотела со мной о чём-то поговорить, – не теряя ласкового настроения, оправдывался я, – вот и пришёл.

Моя девочка внимательно, с любопытством всматривалась в меня. В полумраке лицо её приобрело резкие контрастные очертания. Я не мог хорошо разглядеть её глаз, но чувствовал внутренний стержень. Сердце билось, я был взволнован, но терять самообладание просто не мог. Меня проверяли.

– Да, я хочу поговорить с тобой, – спокойно сказала она, – раздевайся, здесь жарко. Снимай свитер.

Я снял свитер и бросил его на скамью. В помещении действительно было жарко, и на лбу у меня проступил пот. Она подошла к шкафчику, открыла дверцу и достала две стопочки.

– А чем закусывать будем? – спросила с улыбкой, ставя стопки на стол.

Я слегка изумился. Такого поворота событий не ожидал. Обстоятельства, похоже, складываются в мою пользу!

– У меня есть яблоки. Будешь? – засуетился я, доставая из карманов пальто антоновку.

– Яблоки? Давай, это так здорово! Водка и яблоки, что может быть лучше в такую жаркую романтическую ночь, – мягко улыбнулась она.

Моя нежданная радость потихоньку начала растворяться. Испытав двойственность чувств, я был уже в крепких когтях!

Мы сели за стол, моя девочка налила водку в стопки.

– Здесь темно... Может, в уголок на пол, на матрас, у свечей? – предложил я.

– Давай!

Мы быстро перебрались на матрас. Я положил яблоки возле свечки на табурете, а бутылку поставил на пол. Она принесла стопочки с водкой. Уютно устроившись поперёк матраса, я вытянул ноги. Моя девочка села на матрас вдоль, в самом углу, возле подушек, облокотилась о стену и, согнув ноги в коленях, натянула на них зимнее тёмное платье. Решив вернуть лёгкость и непринуждённость в наш разговор, я спросил, намекая на книгу:

– Что, инструкциями загружаешься?

Она засмеялась, я подхватил. Теперь, при свечах, я мог хорошенько её разглядеть. Как же в ней всё прекрасно! Такая свежая, естественная, живая девочка! Пластичные движения вызывали во мне восторг, мне нравилось всё: как она говорит, как смеётся, как двигается... Я втюрился в неё по уши, с головой! Но пялиться на неё не мог позволить себе – это было бы грубо, вызывающе. Опустив голову, я смеялся в себя, в свой живот.

– У тебя кто-то есть? – неожиданно спросила она, отпивая глоточек из стопки.

Я не был готов к такому резкому старту, но вопрос меня не удивил. Тоже сделав глоток, ответил, продолжая выдерживать ласковую мягкость:

– Только плюшевый мишка, а у тебя?

– Значит, ты всё ещё мальчик?

Я не ответил, замялся. Допив стопку водки, поставил её на табурет. Меня расщепляли, и мне не хотелось предстать перед ней мальчиком во всём.

– А ты – девочка? – сделал я встречный ход.

Она протянула мне руку и показала запястье, где был слабо виден шрам – след моего имени.

– И что? – спросил я, пополняя свою стопку.

– Ничего. Мне тоже налей, – допив свою, попросила она.

– Послушай, мы что, выясняем какие-то отношения, которых у нас нет? Подливая ей в стопочку водки, я взглянул на неё. Мне понравилось, что моя девочка включилась в игру. Легче будет на своём настоять, думал я.

– Не отношения, а связи, – спокойно продолжала она.

– Связи? С кем связи?! – я не хотел быть юнцом, но и опыта у меня никакого.

– Ты так пылко вчера развлекался с моей подругой...

– Ну и что?

– Вот я и думаю, каковы же твои связи с разными девушками... Расскажи.

Она сделала большой глоток водки и взяла яблоко с табурета. Надкусив его, приготовилась слушать и внимательно смотрела прямо в меня.

– Знаешь, ты вроде тоже на месте не стояла! – парировал я.

Тема нашей беседы была выгодна мне, мы всё же не о книжках с нею болтаем. Но её тихий настрой, ровный тон не сулили мне ничего хорошего. Я был тёртый калач, имел опыт вот как раз таких разговоров, и знал, к чему они приведут. Нужно что-то менять, но что? Иначе сведёт всё к банальной любви, и никакой связи!

– Она же сама меня вырвала в танец, и потом уже всё началось, – продолжал я, оправдываясь.

– И как часто тебя так *вырывают*? – улыбнулась она.

– Нечасто. – Отстранённо, спокойно, прищурился я, я смотрел перед собой в темноту.

Мне не хотелось разоблачаться. Подняв стопку, я залпом выпил водку и закусил яблоком. Её пристальный взгляд всё ещё держался на мне, я ощущал это и решил подыграть, необходим был отвлекающий манёвр. Пусть предстану в её глазах суперменом, пусть почувствует разницу, ощутит напряжение!

В полутьме жаркой бани, в тихом сиянии свечей, на стенах и потолке нависала моя огромная тень. Пауза делала меня значимым, а мерцающий свет превращал в доблестного воина

Валгаллы.² Представляя себя сильным опытным мужем, я почувствовал, что захмелел. Моя девочка подняла стопку водки:

– За тебя! – и, выпив залпом, поставила её на табурет.

Интересно как, может что-то и выйдет, думал я, продолжая играть отстранённого романтического мужа. Я молча потянулся за бутылкой и налил нам по новой. Похоже, этот мой образ повлиял на неё.

– Ты, возможно, забылся, к кому пришёл в гости? – продолжила она разговор.

– Почему забылся? – спускаясь с Валгаллы, переспросил я.

– Как почему? Ты разве не понимаешь?

Разговор перестал нравиться мне. На лице появилась испарина. В предбаннике было душно и жарко, почти как в парилке.

– Тебя же дедушка пригласил для общения со мной! – недоумение вырвалось из неё.

– А что же ты с композитором своим флиртовала? Целовалась с ним на Новый год, а ко мне даже не подошла! – пошёл я в атаку.

– Я целовалась!? Он мой друг, однокурсник, мы все просто по-дружески обнимались и целовались, а ты даже не соизволил познакомиться толком ни с кем! Ты же видел, я смотрела на тебя и подошла потом, прося твоего участия. Ты что, ждал, что я полезу к тебе лобызаться? А подругу мою, у меня на глазах, кто слюнявил взасос после танца? Я-то знаю своего композитора, а ты первый раз видел её и так по-хамски при мне поступил!

Я почувствовал себя уязвлённым. Градус повышался, напряжение нарастало. Я встал, снял рубашку. Харрис-пистолет на славу печку сложил! Из открытой двери парилки шёл жар от камней. Баня не остывала.

– А теперь ты оправдываешься, мол, виновата подруга?! – поддала она жару. – Ты всегда так оправдываешь свои поступки действиями других людей?

– Знаешь, что?! – я прищурил глаза и зло процедил сквозь зубы, – ты же видела, как мне было непросто, могла бы и подмахнуть...

– Ты грубиян!

– Иди в жопу, принцесса! – вырвалось у меня.

Моя девочка замолкла, и я замолчал. Тишину нарушали лишь редкие звуки: скрип брёвен и половиц, порывистый ветер снаружи и треск двух свечей в углу. Мне стало понятно, что цели своей уже не достичь. Не насиловать же её! Походив взад-вперед, я присел, потом встал и распахнул входную дверь бани. На улице было темно, пришло потепление, свежий воздух медленно проникал внутрь. Хотелось хоть как-то, хоть чуток оклематься. Я накинул пальто и вышел наружу. Вроде, не гонит, беспокоился я, наблюдая за ней через щель в косяке. Значит, есть ещё шанс! Крадясь и остужая нас, воздух с улицы заполнял помещение. Появлялась надежда...

* * *

– Не уходи, – послышался голос моей девочки из предбанника. – Слышишь, Вадим, не уходи! – испуганно повторила она.

Я и не собирался никуда уходить, но и строить из себя и разыгрывать что-то мне уже не хотелось. «Что ж я делаю, зачем я так поступаю?!» – разглядывая плывущие ночные облака и дыша полной грудью, мучился я. Она любит меня, это я понимал, и решил ей открыться. Постояв так ещё немного, зашёл внутрь.

– Дверь закрой, нас могут заметить, – раздалось из угла.

Закрыв дверь на замок, я снял пальто и повесил его на крючок. В предбаннике стало немножко прохладней, но жар из парилки возвращался.

² Валгалла – в скандинавской мифологии – небесный чертог для павших в бою, рай для доблестных воинов.

– Тебе жарко? Разденься хоть совсем, мне всё равно, – опустив голову, предложила она. Я не стал ерепениться, тем более что это и входило в мои планы. Расстегнув ремень, стянул джинсы и, оставшись в трусах и носках, вернулся на место.

– Почему тебе всё равно? – посмотрел на неё с интересом.

– Ты пить ещё будешь? – спросила она.

– Да, буду!

– Тогда наливай. И мне тоже.

На улице, на ветру, хмель мой прошёл, я не чувствовал себя выпившим, пьяным. Разлив по стопочкам водку, взял яблоко.

– Ты закусывай, просто так не пей.

– Хорошо, – сказала она. Я протянул антоновку и ей.

Вроде как моя девочка не хмелела, по крайней мере, этого я не заметил, но беспокоился, чтобы не напилась. Мне не хотелось развлекаться и играть с пьяной девушкой. Она же пила со мной за компанию, разделяя поровну всё то, что у нас было. Выпив по стопочке, мы закусили.

– Так почему тебе всё равно? – возвращал я её к своему вопросу.

А она подняла голову и обратилась ко мне:

– Вадим, как твои раны?

Моя девочка была единственным ровесником, кто называл меня полным именем – Вадим. Другие звали меня так очень редко, в основном, Вадька или Вадик, мама – Вадинька. Для слуха моего из её уст это звучало необычно торжественно и приятно.

– Всё нормально, – ответил я, – мне кто-то хорошо обработал раны. Губа лишь слегка припухла, а бровь – я и не замечаю. И всё же, почему ты сказала, что тебе всё равно?

– Потому что я и так всё видела, – спокойно ответила она, – меня тебе нечем уже удивить.

– Что всё? – заволновался я.

– Всё, значит всё и ещё больше. Ну, может, не совсем уже всё, но очень много.

Хорошо-о-о, думал я, значит, она знает больше, чем все остальные. Меня это заинтриговало, хотелось узнать все детали новогодней вечеринки.

– Расскажи, пожалуйста, поподробней, – настаивал я.

– Зачем тебе это? – мило улыбнулась она, – там нет ничего особенного, всё естественно было.

– Что естественно было, чего нет особенного? – не унимался я.

– Да всё! Тебе это надо? – поправляя под собой подушки, спросила она.

– Надо! Давай, рассказывай! – волновался я. – Хочешь, взамен я скажу тебе правду!

– Какую правду?

– Я мальчик, девственник! Никого не было и нет у меня.

– Я это уже поняла.

– Вот как! А как же? – удивился я.

– Не знаю, поняла и всё тут! – не осуждая меня, ласково улыбнулась она.

Я вздохнул и, подобрав ноги, согнул их в коленях. Механически пополнив наши стопки, залпом выпил и не закусил. Потом обхватил ноги руками, опустил голову на колени и, глядя на причинное место, стал размышлять о своём.

– Ладно, я расскажу. Но тебе это может быть неприятно, – предупредила она.

– Плевать! Рассказывай!

Я приготовился слушать и вновь слегка захмелел. В бане было всё так же тепло, даже жарко.

– Ты так сильно напился, – начала моя девочка, – мы занесли тебя в мою комнату, положили на кровать и накрыли одеялом. Тебе было очень плохо, Вадим, ты ворочался, кровь текла из брови и изо рта, и тебя начало сильно рвать. Бабушка страшно ругала меня, приказала принести два тазика и полотенца. Один тазик пустой, а другой с водой, чтобы тебя обмывать. Ты

лежал на спине и захлёбывался... Вадим, милый мой, я так испугалась за тебя, мне ещё никогда не было так страшно!

Я услышал, как моя девочка тихо заплакала. Сквозь слёзы она продолжала:

– Мы повернули тебя на бок и пододвинули к краю кровати. Я подставила тазик. Ты весь уже был испачканный, мокрый, и бабушка велела мне обмывать твоё тело. Я бегала и меняла воду в тазике. Тебя долго рвало, тебе было так плохо! – она зарыдала.

Возникшая пауза подавляла меня. Я держался, чтобы не зарыдать вместе с ней.

– Потом ты затих, – чуть успокоившись, рассказывала она дальше. – Мы сбросили с тебя одеяло и, приподняв, поменяли постельное бельё, подушку и одеяло. Я собрала всё грязное и пошла застирывать, но в ванной просто рыдала, не могла никак успокоиться. Бабушка не спала, выходила ко мне и ругала меня. Дедушка её успокаивал, говорил: «Пусть побудет одна с ним, пусть поймёт!» Тогда бабушка постелила мне возле двери в твою комнату и сказала: «Спи, как собака, чутко!» И ушла к себе отдыхать.

Моя девочка умолкла и стихла. Я тоже молчал. Я был пуст, мыслей у меня в голове не было. В необычной жаркой зимней ночи тихо мерцали свечи, лаская своим мягким медовым светом двух влюблённых, которые ещё только-только начинали свою взрослую жизнь.

* * *

Оставаясь сидеть в той же позе, не желая показывать ей лица, я незаметно утирал пальцами проступившие слёзы. Моя девочка выпрямилась и, дотянувшись до стопочки, тихо выпила. Мы надолго погрузились в молчание. Она успокоилась.

– Затем я обработала твои раны и уже не спала. Просто лежала на полу возле двери и постоянно прислушивалась. Боялась, вдруг с тобой что-то случится. Слышала, как ты дышал, ворочался и постанывал. Заходила проведать – всё ли в порядке. Собрала внизу одежду твою и сложила рядом с кроватью. Извини меня, я увидела, что ты сбросил с себя одеяло, лежишь на спине, раскинувшись на постели, голый. Тебе, наверное, было жарко, а может, ты хотел встать, не знаю. Я не стала тебя накрывать, присела рядом и разглядывала твоё сильное, красивое тело.

Моя девочка выпрямилась, подобрав под себя ноги. Взяла с табурета ручные часики и начала их теребить.

– Если раньше, до этого, я только украдкой бросала взгляд на тебя, – смущаясь, продолжала она, – то сейчас я всё рассмотрела, до мельчайших подробностей. Знаю всё про тебя, Вадим, каждый шрам, каждое пятнышко, каждую родинку, каждый миллиметр твоего тела.

Я повернул голову и посмотрел на неё. «Может, она захмелела?» – подумал я. Моя девочка стеснительно порозовела.

– Внимательно рассматривая тебя, я заметила, как приподнялся твой мальчик. Он стал медленно, плавно расти прямо у меня на глазах. Я испугалась и побежала в ванную, схватила тазик и мокрое полотенце.

«Ничего себе, поворот!» – озадачился я.

– Когда я вернулась, ты лежал на боку, на самом краю кровати. Может, ты хотел встать, я не знаю. Твой мальчик полностью вырос, а ты кряхтел и что-то невнятное бормотал.

Я налил нам по последней стопочке водки и поставил пустую бутылку под табурет. Она продолжала рассказ, а я выпил.

– Я взяла мокрое холодное полотенце и обернула его вокруг твоего мальчика, прижимая полотенце к нему, чтобы остыл. Так держала его какое-то время, потом он стал расслабляться и возвращаться в покой. Через пару минут ты пописал. Я успела подставить приготовленный тазик. Подтёрла капельки и всё убрала.

Девочка моя замолчала. А я, вздрогнув, вздохнул и подумал: «Да-а, это точно всё! Это больше чем всё, это полный пипец!»

– Это всё?! – гаркнул я раздражённо.

– Да, всё, – невозмутимо сказала она. – Потом ты мирно спал, пока не проснулся.
– Да лучше б ты его отсосала или я не проснулся бы никогда! – в гневе вырвалось из меня.
Моя девочка, уже ничему не удивляясь, подняла стопочку водки и выпила за меня.
– А может, я его отсосала, тебе-то откуда это знать?! – язвительно отозвалась она.

Я сник. Грубость моя меня же самого опускала и вымаривала...³ Сердце заколотилось, и душуше подступило к горлу. Я отвернулся...

Перед глазами проплывали образы нашего детства. Вот моя девочка в шалаше, а я, голый, палки бросаю. Вот я валяюсь на песке, в крови, на карьере, и она горько плачет надо мной. Вот мы в стогу сена, смеёмся, смотрим на ночное небо в звёздах и мечтаем. Вот она показывает мне свою жестокую рану на запястье, где вырезано имя моё. А вот я первый раз признаюсь ей в любви и клянусь быть с ней навсегда! У меня не было сил сдерживаться, по моим щекам текли слёзы, я незаметно смахивал их рукой. Слёзы текли не от стыда, не оттого, что мне было больно или чего-то жалко, я скорбел о себе, о своём ожесточённом сердце...

* * *

Отвернувшись от своей девочки, внутренне я был один. Она меня не тревожила. Мне хотелось побыть наедине с собой, просто так, безо всяких мыслей. Не жалел себя, нет – я огорчился. Огорчился тем, что не желал разглядеть и разделить её мира, думал только о себе. Посидев так, постепенно пришёл в чувство. В ночном сумраке завывающий ветер, парной воздух в предбаннике, запах веников и смолы, тихий треск свечей за спиной и её тёплое, сладкое, хмельное дыхание...

– Не горюй так, Вадим, – она прижалась ко мне и обняла сзади. Моя девочка желала утешить меня. Нежно касаясь губами моей шеи и плеч, она приговаривала через каждый поцелуй строки Есенина:

– В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжёлых утратах,
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым –
Самое высшее в мире искусство...

Я обернулся и заглянул ей в глаза. Было темно, я ничего не увидел, лишь уловил сильное биение её любящего сердца. Осторожно повалив свою девочку на спину, чтобы рассмотреть её взгляд в янтарных отблесках свечей, я едва прикоснулся губами к её устам. Она поддалась и легла под меня. Мерцающий свет мягко пал на её лицо, и я увидел большие серо-голубые глаза. В них дышала бесконечная любовь и радость нашей встречи!

Ликуя, я поцеловал её губы, обнимал крепко-крепко...ещё и ещё. Она отвечала взаимностью. С меня как рукой всё сняло! Я был наедине, глаза в глаза, с самой лучшей, с самой прекрасной девушкой в мире!

* * *

Я целовал её в губы, в щёки, в носик, в уши и шею. Я целовал всё её лицо, гладил по волосам. Делал это молча, только раз признался на ушко: «Моя милая, я люблю тебя!» Мальчик мой вырос и сильно напрягся, выпирая твёрдым колышком из-под чёрных трусов. Лаская и обнимая свою девочку, я им чувственно в неё упирался, она ощущала это и помогала мне раздевать себя. Платье привело нас к заминке, его нужно было расстёгивать сзади и снимать через голову. Я стал помогать ей тянуть платье вверх.

³ вымаривать – изводить отравой или дурным содержанием.

Мы действовали сообща, но неуклюже. Я волновался и взмок от всех этих манипуляций. Вместе мы всё же справились, и моя девочка осталась раздетой, в белом лифчике в мелкий розовый цветочек и таких же трусиках. Приподнявшись, я стянул перед нею свои трусы. Делая это, хотел поддержать её, чтоб не стеснялась. Потом, метнувшись за полотенцем, висящим на крючке возле входной двери, обтёрся. Моя девочка подтянула подушки повыше и подалась чуть-чуть вверх, ближе к стене. Теперь, в медовом свете, я мог свободно обозревать всю её, с ног до головы. Опустился пред ней на колени, ища удобный способ пристроиться ближе.

Какое блаженство! Её молодое, упругое, шёлковое тело вызывало ознобную дрожь. Пропорции тела – идеальны и гармоничны. Девичья женственность и изящество форм потрясали и завораживали одновременно. Отвечая взаимностью, она открыто рассматривала меня, голого и возбуждённого. Мы были по разные стороны свечей и хорошо видели в их свете друг друга. Я наклонился над ней, прилёг рядом, вполоборота, и, прижавшись, закинул ногу ей на бедро. Продолжая целовать и пылко обнимать её, скользнул рукой за спину, пытаюсь расстегнуть лифчик. У меня не получалось, как ни старался... Снова вышла заминка. Напряжение во мне нарастало, сердце бешено билось, а оголившаяся головка моего мальчика сильно сочилась. Моя девочка, опершись руками о матрас, приподнялась, и, чтобы удержать положение, немного согнула ноги в коленях, подтянув их к себе. Нечаянно она легонько ударила меня по мошонке и заволновалась:

– Ой, прости меня, я не хотела!

– Ничего, ничего, не волнуйся, – через боль, улыбнулся я ей в ответ.

Мы были неловки, юны, опыта нам не хватало, мы делали с ней это в первый раз!

Резкая короткая боль охладила меня, я перестал напирать, а у неё появилась возможность спокойно снять лифчик. Лифчик упал ей на животик, и я увидел прекрасную девичью грудь. Поправив подушки, она снова легла, а я, пристроившись рядом, опустился чуть ниже, и принялся трогать и целовать её нежную грудь. В руках моих груди слегка выступали, они были мягкими и в то же время упругими, чуть большими, чем я мог обхватить. Парной, сладостный запах и набухшие темновато-коричневые соски заводили меня с новой силой. В голове пульсировало, и из носа несильно пошла кровь. В предбаннике было жарко, почти как в парилке. Я и не заметил, как пошла кровь, но пара капель упала ей на грудь и на живот, когда я менял позу.

– Что с тобой? Ты в порядке? – испуганно засуетилась она.

– Всё хорошо, милая, не волнуйся, всё хорошо – успокаивал её я, – жарко здесь очень.

Нам снова пришлось прерваться. Я пошёл в душевую, посмотреть, в чём дело. Включил свет и над раковиной прополоскал нос. Ничего серьёзного. В зеркале я увидел своё отражение. Предо мной предстал вздыбленный, мокрый, взмыленный юноша. Я вытер пот, выключил свет и вернулся назад.

– Не волнуйся, все хорошо, – с улыбкой успокаивал я и шептал ей на ушко:

– Любимая моя, ты так испугалась!

– Ужасно, Вадим, я боюсь за тебя!

– Не бойся, дорогая, всё в порядке. Я очень люблю тебя!

Я продолжил ласки, она успокоилась и поцеловала меня в нос:

– Пусть всё заживёт!

Опустившись чуть ниже я стал целовать всё: грудь, под грудью, соски, шею. Я не был искусен в искусстве любви, моя девочка тоже. Она совсем просто со мной целовалась и гладила меня по спине, по плечам, голове. Но в этой незатейливой безыскусности пробуждалась безмерная сила любви. Мы оба ощущали это. Мы стали очень близки, и так искренне и просто открыты, что неискوشённость служила огромнейшим преимуществом, шаг за шагом совлекаящим тайные движения сердца.

Это отвергало напрочь любую виртуозность и изощрённость в искусстве любви. Целуя её, я кусал грудь и соски – ей было больно, а она терпела, понимая, что я не могу рассчитать силу.

Она же боялась прикоснуться ко мне ниже пояса. Постепенно я стал гладить рукою её плоский животик и перебрался к заветному бугорку, где меня встретили трусики. К новой заминке я уже был готов, не торопился, наслаждался моментом. Распластавшись, одною рукою обхватив её шею, целовал её нежную грудь, а другую руку запустил ей под трусики. Получилось удачно, и я прибалдел. Но она вдруг взяла мою руку, пытаясь меня остановить:

– Вадим, может, не надо?

Меня охватило волнение. Похоже, всё это время моя девочка ещё о чём-то размышляла. Не передумала ли она?

– Почему? – уверенно спросил я.

– Я просто думаю, что тебе может быть плохо потом. Не сейчас! Потом, когда не будет рядом меня. Ты же в армии будешь, а я здесь одна. Мало ли что ты накрутишь себе обо мне, начнешь терзаться сомнениями-подозрениями на мой счёт, а проверить не сможешь уже никогда. Нет, ты не подумай, что я тебя не хочу. Я люблю тебя и всегда буду только твоя! Я очень хочу, чтобы ты меня взял прямо сейчас, здесь, я этого очень желаю. Но потом... Как ты думаешь, ты сможешь мне доверять, не сомневаться, во всём верить?..

Я отвалился и прилёг с нею рядом. Пот снова выступил по всему телу, я молчал. Сексуальное напряжение было настолько велико, что я соображал медленно. Требовалось время, чтобы хоть как-то всё взвесить, понять, о чём она говорит. Видимо, вид мой в этот момент ей пришёлся по нраву. Она повернулась ко мне и поцеловала в губы. Гладила меня по груди, животу и опускаясь ниже пупка, натыкалась на моего мальчишка, стойкого оловянного солдата, и тогда убирала руку. Я лежал мокрый, в полублаженстве, чуть прикрыв глаза. Не дождавсь ответа, она продолжала:

– Вадим, милый мой, любимый мой, я не против. Возьми меня сейчас, я твоя!

Моя девочка приготовилась отдаться мне полностью. Я привстал и занял прежнюю позу. Целуя страстно горячие губы, протянул свою руку вдоль её тела и снова проник под трусики, угодив прямо в её девочку. Моя ладонь накрыла лобок, а средний палец протянулся вниз вдоль бороздки. Она слегка раздвинула бёдра. Её девочка чуть-чуть отворилась и обильно текла. Я нежно проводил средним пальцем руки вдоль, туда и обратно. Оторвавшись от губ, заглянул в её широко распахнутые глаза. Моя девочка, чуть приоткрыв рот, с придыханием смотрела прямо в меня. Она напряжённо училась понимать себя, меня, своё тело. Ей было очень приятно, я это видел по поволоке в её глазах и почти незаметным отзывчивым движениям тела.

– Любимая моя девочка, ты можешь расслабиться? – спросил ласково я, покрывая её поцелуями, – я хочу трусики снять, помоги мне, пожалуйста. Она кивнула головой и приподняла попку. Я присел и аккуратно стянул с неё трусики. Моя девочка сдвинула ноги, – видимо, ещё немного стеснялась меня. Я прилёг рядом, стараясь её успокоить.

– Милая моя, ты боишься?

– Совсем чуточку, милый мой, мне может быть больно.

Я снова поцеловал её.

– Обещаю, буду предельно нежен и осторожен, – шептал я, целуя в ушко. – Если тебе всё же будет очень больно, потерпи самую малость и прости меня.

– Вадим, милый мой, я очень хочу, чтобы ты вошёл в меня. Ты сам не волнуйся так, я же вижу, как ты собран и напряжён, весь уже взмок. Ты сам-то расслабься. Может, ты боишься последствий? Если так, то будь совершенно спокоен, спускай прямо в меня. Мне сейчас можно, я не забеременею.

Прильнув к ней, коленкой раздвинул её ноги. Она поддалась и развела их пошире, чуть согнув. Опершись руками о пол, я осторожно притянул вторую ногу и оказался нависшим над ней, у неё между ног. Я волновался, во мне всё трепетало. Теоретически я знал, как это делать, только вот практики у меня нет совсем. Решил подстраховаться, лучше сообразить, куда же мне надо. Подавшись назад, присел на колени, чтобы рассмотреть вблизи её девочку.

Моя милая внимательно глядела на меня, она поняла, в чём тут дело. Шире раздвинув ноги, легонько приподняла таз, чтобы мне было удобнее всё рассмотреть.

В мерцании янтарного света предо мной открылась великая пустота, разделённая пополам, которую я запомнил с первого раза ещё тогда, двенадцать лет назад. Сахарные уста её девочки почти не изменились. Она оставалась всё такой же сладкой и нежной, только чуть подросла и красиво покрылась светло-коричневыми волосками, самую малость, на самом вершине, на лобке. А всё её небольшое продольное тельце чуть-чуть распустилось, и оттуда проглядывали пара нежных розовых лепестков и тычинка. Вся композиция напоминала розочку, небольшую такую, которая на рассвете, с первыми лучами солнца, приоткрывает бутон, чтобы вдохнуть свежесть утренней росы и выдохнуть свой аромат.

Я подумал: как это славно, как здорово и необыкновенно! Казалось бы, такое хрупкое небольшое создание, а может впустить в себя извне нечто большее. И даже может принять семя в себя, сберечь его, выносить и дать новую жизнь. Опыт познания меня завораживал, но, конечно, я со школы знал, что женские половые органы более ёмки, чем мужские.

Всё внимательно разглядев и поняв, я навис над моею девочкой и приблизился к её входу. Меня затрясло, напряжение в руках нарастало, я тыкался не туда. Тогда взяв в руку своего мальчика, направил его в нужную сторону и попал прямо в цель. Мальчик мой осторожно упёрся головкой в её чуть распахнутые лепестки и, раздвинув их самую малость, кончиком вошёл на порог и остановился у входной двери.

– Всё, туда! – прошептала моя милая девочка мне на ушко, обняла меня и, расслабившись, закрыла глаза, приготовилась к боли, подалась еле заметно навстречу мне.

Я притормозил, отступив, продолжая пребывать у неё на пороге. До желанной цели оставалось одно движение, но я замер.

Не только моя любимая девочка думала всё это время о чём-то ещё, но и я. Меня не отпускали ночные слова моего друга о его девушке: «Я берегу её и ничего себе не позволяю. Потому что люблю её!»

Делаю ли и я так же, мучила меня совесть всё это время... А потом и она правду сказала, мне действительно может быть плохо, не по себе, не сейчас, а потом, позже. Я могу прямо сейчас её трахнуть, но будет ли это проявлением моей искренней, настоящей любви и желанием быть с ней всегда рядом, угрызался я. Меня сильно глодали сомнения.

Я даже ни разу с ней не потанцевал, ни разу с ней в кино не ходил или на дискотеку, у нас вообще нет с ней совместной истории, дружбы, любви, кроме редких сцен детства. Мы ещё вдоволь не насмеялись, не натацевались, не напелись, не нацеловались на улице, на морозе, мы ещё не грели друг друга, озябнув, на остановках, не мечтали вместе о нашем будущем и вечной любви! Она же просто идёт мне навстречу, потому что по-настоящему любит и жалеет меня. Если всё так, решил я, то очень важно, когда я отворю её дверь. Ведь я хочу быть с ней всё время, после того как войду. Если сделаю это сейчас, то могу её не сберечь, а себя погубить, – мучился я. Мы можем потерять всё: радость встреч, горечь и светлую печаль расставаний, свежесть чувств и непосредственность нашей любви. И тут я понял, я не просто понял, а буквально прозрел: да я же её погублю, потеряю! Это было самое ужасное, что я только мог себе вообразить!

Нависая над ней на дрожащих руках, я тяжело дышал, пот катил с меня градом, заливая самого любимого моего человека в мире. Я не был мичуринцем и не умел бороться с природой, а если честно сказать – и не хотел! Да, в конце концов, есть масса других способов делать друг другу приятно! Зато моя девочка сбережёт себя для меня, будет ждать меня и всегда будет радоваться нашей встрече!

Я подался назад и встал на колени у неё между ног. В игре светотеней, я снизу, возможно, казался ей могучим атлантом. Моя девочка затаив дыхание, восхищенно смотрела прямо в меня. Её глаза, лицо, весь её образ сводили меня с ума! Но природа брала своё...

По моему телу побежала мелкая дрожь. От перенапряжения, в голове и в груди сильно стучало. Заглянув ей в глаза, я ласково улыбнулся: «Всё хорошо, любимая, всё хорошо...» Она всё ещё ждала меня.

Я почувствовал, как яички мои подтянулись, ягодицы напряглись и мальчик мой запульсировал. Опершись одной рукой о табуретку, другой я сильно схватил себя за бедро, брюшной пресс втянулся внутрь. Образ моей девочки предо мною размылся, взгляд мой осоловел. Не имея больше мочи сдерживаться, мальчик мой и всё моё тело забились в конвульсиях, я едва слышно простонал и обильно излился прямо на свою девочку, матрас и подушки...

Тяжело переводя дыхание, я возвышался над моей милой, закрыв глаза, пока судороги не прекратились, и потом, повалившись рядом с ней, произнёс:

– Теперь ты видела всё!

Она прильнула ко мне, а я подложил ей под голову руку. Глаза мои были полузакрыты, я ещё не мог отдышаться, лежал взмыленный, мокрый и отходил.

– Вадим, что с тобой? – с трепетом спросила она.

– Всё хорошо, родная, всё хорошо! – глубоко втягивая в себя воздух, промолвил я, – мне так хорошо и легко, как никогда ещё! – И добавил:

– Я потерплю, милая, ты права... Я просто понял, любовь моя, что люблю тебя больше природы... больше жизни своей!

Это была правда. Настоящая правда. В эту ночь я сделался взрослым, ответственным, в полную меру осознавшим, что же, наконец, и кто же мне нужен, с кем я хочу быть. Моя девочка оказалась именно тем милым созданием, которое было мне жизненно необходимо, – навсегда, на всю жизнь!

* * *

Мы тихо лежали. Я отдышался. Моя девочка с любовью глядела на моё благостное лицо и нежно водила рукой по моей мокрой груди. Ни брезгливости, ни стыда, ни малейшего отвращения ко мне она не испытывала. И я тоже. Внезапный поворот нашей близости не смутил и не разочаровал её. Размазывая по своему телу мой пот смешанный со спермой, моя девочка подносила к носу и ко рту руку, пробовала свой сбор. Ей было очень интересно, что это такое. Она впервые видела мужское семя.

– Как вкусно пахнет тобою! – тихо сказала она, улыбнувшись. – И запах твой, и твой вкус – такой лёгкий, почти воздушный, с терпким, еле уловимым ароматом полыни и полевых цветов...

Я блаженствовал. Она прижалась ко мне и вдохнула у меня подмышкой. Ей хотелось запомнить меня, знать меня на запах и на вкус...

– М-м-м, мне так нравится запах твой! – повторяла она, целуя меня в плечо.

Я гладил её по спине, и наблюдал, как она любовно меня ласкает. Моя девочка выводила тонкими длинными пальцами у меня на груди замысловатые узоры, нежно льнула ко мне и голубилась. Она была счастлива, как и я, а может быть, даже и больше!

– Сколько времени? – спросил я.

Приподнявшись она взяла с табурета маленькие наручные часики. Её девичьи грудки пленительно колыхались в ночной полутьме. Посмотрев на часы, она радостно сообщила:

– Только полпятого утра!

Мне казалось, что минула вечность, а прошло всего лишь пару часов. Время сжалось и уплотнилось, наступило ощущение, будто я пережил за эти дни и часы несколько лет. Какой же необычайный и чудесный Новый год у меня! Потрясающе! Я был так несказанно счастлив и рад, что у меня появилась своя девочка – моя девушка! Это было прекрасно, это было моё, я знал это всем сердцем, всей душой! Наши интимные нежности были только нашими. Я не

чувствовал никакого упадка, никакого упрёка в свой адрес и никакой потери интереса к ней. Наоборот, был полон сил и энергии, а она вызывала во мне восторг!

– Твои когда просыпаются? – спросил я.

– Не беспокойся! Времени у нас ещё целая куча! Встанут в девять-десять утра.

Она снова прильнула ко мне касаясь губами и лаская меня, положила голову мне на плечо.

– Знаешь, ты похож чем-то на волка...

Я с интересом внимательно слушал, и проводил рукой по её волосам.

– У волка очень нежное и сильное чувство к своей волчице. Он знает, что может погибнуть в любой момент, и дорожит ею и каждой возможностью быть рядом, чтобы вместе согреться. Так напряжённо, постоянно начеку, может жить только очень умный, благородный и глубоко чувствующий зверь. Волк умеет любить и готов в любую секунду умереть. Ему, конечно, очень страшно, как нам всем, но он смелый и никогда не предаёт. Страх его, как маяк, – когда приходит пора, он идёт на него.

Она ненадолго чуть отстранилась и подняла голову, чтобы взглянуть на меня. Я расплылся в улыбке. Моя девочка продолжала приятно меня удивлять своим невероятным воображением, непривычными для меня образами.

– А почему я не зайчик там какой-нибудь у тебя?

Мы оба рассмеялись.

– Ну, какой же ты зайчик? Зайчиком ты был тогда, в наших травяных шалашах, когда я тебе полную пиписку палочек напихала. А сейчас ты стал волком, мощным, крепким Волком Вадимом! У тебя очень доброе сердце, это я знала всегда, но сейчас ты стал чуточку и опасен... Это очень нравится девочкам, это их просто заводит! Но я люблю тебя не только за это, а за то, что ты порядочный человек. Я хочу тебе признаться сейчас, можно?

Я влюбленно смотрел на неё и молчал. Не дожидаясь ответа, она продолжала:

– Знаешь, можешь мне даже не поверить, но я до последнего момента чувствовала, как-то знала, что ты не возьмёшь меня. Не потому, что не сможешь или не захочешь, нет. Мне всё время казалось, что ты какой-то другой и по-другому выйдешь из ситуации, сохранив меня для себя. Поэтому ты для меня, как волк. Волк Вадим!

Моя девочка с детства умела хорошо излагать свои мысли, мне это всегда очень нравилось. Она ясно и легко говорила о тех вещах или чувствах, которых я не мог тогда выразить. Я не был никогда косноязычным, но о чувствах своих не говорил до сих пор ни с кем. В ней видна была рука Харриса-пистолета. Он был умным, образованным человеком и любил свою внучку.

– Послушай, милая моя, откуда это всё у тебя? Такие яркие, фантастические образы? – спросил я, машинально наматывая на палец её светлый локон.

Она начала рассказывать о себе, своей школе, о родителях, о бабушке, которого она очень любила. Мои догадки оправдывались, действительно Харрис-пистолет обожал внучку и принимал живое участие в её воспитании. Она говорила о своём дедушке благоговейно, с душевным трепетом: он был известный краснодеревщик, мастер с большой буквы, к которому обращаются за самыми тонкими, изысканными и сложными работами. С грустью рассказывала о родителях, которые почти не живут вместе, а собираются только на праздники, и ещё о многом. Я слушал её заворожённо, то блуждая взглядом по теням и свету на потолке, то пытливо заглядывая в её глаза. Любуясь ею, я мечтательно витал в чудесной стране нашего детства: неужели та озорная и сопливая девчонка превратилась в настоящую сказочную принцессу и перевернула всю мою жизнь!

* * *

Я снова потянулся к ней, целуя и лаская её грудь и животик. Моя девочка отвечала мне полной взаимностью. Мой мальчик так и не завял, всё это время оставался стойким солдати-

ком. Я прижимался к ней, елозил своим мальчиком по её телу, глубоко лобзал и покусывал язычок. Она была рада всему, что я делал, лишь бы нам обоим было хорошо. Проскользнув рукой вниз, к её девочке, я бережно касался её сладостных уст. Моя девочка лёгкими движениями в такт моей руке играла с силой прикосновений. Глаза её были полузакрыты, а губы слегка отворены. Осторожно раздвинув ей бёдра, я лёг на неё и сильно прижался, зажав своего мальчика между нашими телами. Я снова очутился на пике экстаза и быстро излился с прежней интенсивностью. Уняв свою дрожь и затихнув, оставался лежать прямо на ней, а она меня заботливо гладила по спине и обнимала. Я чувствовал, как ей приятно оттого, что мне хорошо... Потом мы просто лежали рядом и она тихо произнесла:

– Вадим, милый мой, я люблю тебя!

Я взял её руку, на которой было вырезано моё имя, и стал целовать запястье. Испытывал такой прилив сил и любви, которого больше не испытал никогда. Благодарность к ней переполняла меня, хотелось, чтобы она это почувствовала.

– Любимая моя девочка, самое прекрасное создание, душа моя, я не знаю, как тебе это сказать, чтобы не задеть и не обидеть тебя, – начал я, – но если ты пожелаешь и позволишь мне, я поцелую тебя туда.

Она подняла голову и посмотрела на меня с интересом. Я знал, что существует и такая любовь, и ещё другая. Но другой, когда девушка целует у мальчика его *мальчика*, у меня даже в помыслах не было ей предложить.

Моя девочка повернула голову и посмотрела на меня ниже пояса. Там всё по-прежнему, мой оловянный солдатик был стойкий.

– Тебе это будет приятно?

– Безумно!

– Хорошо, я не против, любимый мой Волк Вадим.

Притянувшись, я принялся горячо целовать её в губы, потом подбородок, грудь, рёбрышки и бока. Так, двигаясь дальше и ниже, добравшись до заветного бугорка, осторожно раздвинул ей бёдра и расположился у неё между ног. Моя девочка помогала мне, разведя ноги пошире, согнула их больше в коленях. У меня застучало в висках с той же силой, как раньше, а может быть, и сильнее. Её розочка чуть приоткрыла свой прекрасный бутон.

Я долго рассматривал её девочку. Так интересно проникнуться и изведать всё это вблизи, ощутить притягательное благоухание, разглядеть колорит и оттенки. Её девочка испускала аромат полевой ромашки, была сочной и обильно текла. Теоретически я знал, что является главным у девушек здесь, спереди. Рассмотрев и точно определив нужное место, я нежно прикоснулся туда губами, потом языком. Реакция не заставила ждать. Моя девочка слегка изогнулась, закрыла глаза и сжала кулачки. Из этого положения мне хорошо было видно её гибкое тело, лицо, я мог понимать и регулировать силу своих прикосновений. Она совершала встречные размеренные движения, и тогда было ясно, что я на верном пути. Я всегда был хорошим учеником, когда учился.

Быстро постигая азы этой новой науки, я уже знал, что ей нравится, и с огромным наслаждением окунулся в неё, сосредоточившись на тычинке, – её реакция была самая сильная. Я добился того, что доставил ей огромное удовольствие, и оно всё нарастало и нарастало. Не в силах больше держаться, моя девочка вскрикнула, сильно выгнувшись простонала имя моё, бездыханно обмякла и замерла. Её ноги вытянулись вдоль моего тела. Такое же напряжение в то же время снова случилось со мной. Я привстал, сильная струя спермы прыснула ей на грудь и лицо, я рухнул у её ног.

* * *

Так мы лежали довольно долго. Потом она поменяла позу, присела, подобрав под себя ноги. Я поднялся, хотелось немного размяться. Возбуждение не прекращалось, скорее, даже

росло. Мой мальчик оставался на страже, всё так же упруг и напряжён. Моя девочка с восхищением мной любовалась. Я подумал, что если бы у меня с ней случился секс, я бы, наверное, мог сутки из неё не вынимать.

– Иди ко мне, – позвала она. Я снова прильнул к ней. Она, счастливая, любовно смотрела на меня, потом расцеловала моё лицо и прошептала:

– Милый мой, такого со мной не было никогда! Какое же это наслаждение! Спасибо, мой дорогой! Как я люблю тебя!

Я крепко обнял её и, лобзая, снова повалил на спину. Сейчас мы действовали дружно и слаженно. Она поняла мой замысел. Легла, и широко раздвинула ноги, согнув их в коленях. Я снова припал к её розочке, покрывая нежными поцелуями, но на этот раз действовал по-иному. Её девочка теперь мне казалась доступней, она слегка утомилась и, самую малость распустив лепестки, всё так же обильно текла. Меня заводил её вид и горьковатый запах ромашки. Я решил распробовать её вкус. Её девочка поддалась и раскрылась чуть больше. Я понял, что её внутренняя часть отделена лепестками от внешней, сперва водил языком между ними, а потом переходил в самый центр, проникая кончиком языка поглубже, до самых входных дверей. Упираясь в них, лизал там так осторожно, чтобы не причинить моей девочке боль и не нарушить её статус-кво. В какой-то момент я подумал о цельности бытия: «Как же всё хрупко, здесь она девушка, а если войти сюда – уже нет».

Испытывал огромное наслаждение только от одной мысли, что моей девочке очень приятно и хорошо. Реакция повторялась: соски набухли и затвердели, телом она выгибалась. Её нектар постепенно заполнял мой зев. Это лакомство было волшебным!

На вкус он оказался такой же, как и на вид. Слабый-слабый сладковатый мёд и самая малость чуть жгуче-горьковатого прополиса. Меня это так заводило, что сердце стремилось выпрыгнуть из груди. Я осмелел и стал действовать страстно и интенсивно. Моя девочка взвыла, я нагнетал и довёл её до иступления. Это продолжалось несколько раз, она меня не останавливала, но в последний момент испустила протяжный вопль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.